
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ИЗБРАННОЕ ИЗ КНИГИ. ПОВЕСТЬ. ОЧЕРК

Борис Винокуров
(г. Сочи)

НОВЕЛЛА ПЯТАЯ. ТАЙНА ЗАМКА КАЗАНОВЫ*

Винокуров Борис Львович. Окончил лечебный факультет Челябинского государственного медицинского института в 1974 году. Доктор медицинских наук (1992). Доктор экономических наук (1998). Профессор (1995). Заслуженный врач РФ (2002). Заслуженный деятель науки РФ (2008). Заслуженный экономист Кубани (2012). Ведущий разработчик действующих государственных программ медико-экономического развития рекреационных зон российского Причерноморья и Приазовья. Возглавлял ряд здравниц МЗ РФ и научно-исследовательских учреждений, включая Сочинский муниципальный институт здоровья семьи, НИИ бальнеологии ОА «Минеральные воды Отечества» (преемника основанного в 1936 году сочинского Бальнеологического института им. И. В. Сталина). Читает самостоятельный профессорский курс профессиональной переподготовки врачей семейной практики при Сорбонне. Работа в качестве консультанта врача-сексопатолога в ведущих клиниках Австрии, Франции, Великобритании.

Однажды солидный медицинский журнал заказал мне статью о принципах восстановления психологии личности безвинно убиенных. Интерес к этой теме журнал проявлял всегда: здесь часто публиковались выступления судебных медиков, где вопросы психологии жертв занимали далеко не последнее место. Статья была написана и опубликована. Название я выбрал, пожалуй, экстравагантное: «Медицинские аспекты постмортальной реализации психологического портрета жертв насилия».

В этой работе я отталкивался от теорий Луиса Леона Терстона — американского психолога и психоаналитика, который был одним из инициаторов применения математических методов при психоанализе.

И хотя Терстон дожил почти до середины 50-х годов XX столетия, никому до меня не пришло в голову применить его уникальные математические методы для анализа ошибок поведения, допущенных жертвами непосредственно перед убийством. А я-то (между прочим, первым в старушке-Европе) пришел к следующему вы-

* Избранное из книги Б. Винокурова «Эпизоды любовных приключений». — М.: Издательский дом «Прибой». — 1998. — 446 с.

воду: если бы опытный психоаналитик поработал методами Терстона с людьми, которые в будущем становились жертвами насилия, то они в большинстве случаев как раз такого будущего могли бы избежать: насилие над ними было в известной степени обусловлено ошибками в их поведении.

Поначалу реакция на мою статью была вялой. Одни ученые пожимали плечами: мол, что теперь толковать, как бы можно было предупредить жертву, убийство-то уже произошло! Другие неопределенно рекомендовали со временем ввести в учебные программы кафедр судебной медицины специальный раздел о психопрофилактике для потенциальных жертв насилия. Ну, а правоохранительные органы вообще от статьи отмахнулись: что там фантазировать о присутствии психоаналитика в районных прокуратурах, когда лишней ставки следователя у начальства не выпросишь.

А потом (вдруг!) влиятельная Американская психиатрическая ассоциация перепечатала на английском этот мой достаточно объемный научный труд, сопроводив его хвалебным комментарием. Месяца два спустя я стал популярным: меня приглашали с лекциями различные институты и областные научные общества психологов, а толстый-претолстый отечественный журнал, первым опубликовавший на русском языке эту мою статью, стал ходить в именинниках (вот уж истина: нет пророка в своем отечестве!). И та история, которую я вам сейчас расскажу, тоже явилась отчасти результатом этой статьи.

Позвонил давнишний мой знакомый, работавший одним из руководителей Советского фонда культуры. Фонд в ту пору был не менее влиятелен, чем какое-либо министерство, потому что в патронесах этой общественной (по правовому статусу) организации состояла сама Раиса Максимовна Горбачева. Ее имя придавало фонду культуры особую значимость и здорово помогало в решении всяческих проблем, ибо даже вежливые просьбы фонда расценивались «тертыми» партийными управленцами как обязательные государственные распоряжения.

Излишне говорить, что кадры фонда культуры подбирались наитщательнейшим образом. И человек, мне позвонивший, тоже был фигурой крупной и проверенной: он длительное время состоял в высоком партийном руководстве Пензенской области и по долгу службы «курировал» самобытную культуру этой русской глубинки (надо сказать, не без успеха, поскольку открывшийся при нем пензенский музей художника Савицкого был даже занесен в мировой каталог художественных музеев).

— Слушай,— сановито рокотал в телефонной трубке его голос,— ты тут, говорят, в Америке какую-то статейку в именитом научном журнале «тиснул», так на тебя вот запрос пришел из Чехословакии. Там, понимаешь, какую-то жертву материализовать надо. Из средних веков... И не возражай, не один поедешь, чего бояться?.. Академика с тобой посылаю, специалиста по средним векам, подскажет, если что... Что ты кочевряжишься, когда визы уже открыты?

Телефонная трубка пикала в моей руке короткими сигналами отбоя. Надо было бросать все дела и мчаться в Москву.

Тратить время на оформление всяких формальностей почти не пришлось: тогдашний советский Фонд культуры, повторяю, чиновники привечали.

К концу следующего дня я с попутчиком уже болтался в такт стыкам железнодорожных рельсов в двухместном купе некогда сверхкомфортабельного вагона международного экспресса «Москва — Прага».

Попутчик мой оказался человеком интереснейшим. Назовем его Иваном Ксенофоновичем. Был он небольшого роста, с опрятной русой бородкой и по-нижегородски мило «окал».

Множество его званий и титулов: доктор исторических наук, академик российский, почетный член нескольких зарубежных академий и прочая, и прочая — плохо вязались с его живым нравом и неудержимой смешливостью.

Казалось, серьезно он относился только к истории средних веков.

— Нет сомнения, голубчик,— с жаром доказывал он, крутя пуговицу моего пиджака,— Россия была бы совсем другой страной, укрепи она в средние века свои торговые связи не с Востоком, а с Западом. Черт дернул думных дьяков в дремучих лесах Московии шапки ломать перед татарской Ордой да перед Византией. Ведь ясно же было, что это, по-нашему говоря, распадающиеся государственные структуры. А Запад в то время жаждал культурных и политических контактов со славянами.

— Конечно, Иван Ксенофонович, конечно,— ехидничал я, несколько опасаясь за судьбу своих пуговиц.

— Контакты — это прекрасно. Контакты с рыцарями хорошо закрепились в памяти народа русского. Особенно такие, как Ледовое побоище на озере Чудском в 1242 году!

— А дальше школьного учебника Вы ничего знать не хотите? — обижался академик, еще яростнее вертя мою пуговицу.

— Все это писано было после разгрома фашистской Германии и работало на сталинскую идею панславянизма! Если хотите, это и есть перевертывание истории. А история помнит еще и средневековую миссию графа Редера, который за добрых два десятилетия до того побоища прибыл к отцу Александра Невского — Ярославу II, великому князю Владимирскому, с проектом договора о вечном мире с землями ливонскими. Да только зазнайство великокняжеское, тупость боярская вместо мира — к войне привели, а не к торговле!

Должен признаться, уважаемый читатель, меня не так легко переспорить, даже когда я неправ или недостаточно знаю предмет,— такой уж у меня характер. Так что, мобилизовав все свои познания по этому вопросу (конечно, почерпнутые из школьного учебника), я изготовился к атаке на академика, но тут... Пуговица, которую немилосердно теребил Иван Ксенофонович, наконец, не выдержала. Под напором этого аргумента я сдался, иначе рисковал появиться на пражском перроне в расхристанном пиджаке, без пуговиц вовсе.

Пока разыскивали иголку, водворяли пуговицу на свое место, стемнело. Зажегся неяркий свет неоновой лампы под потолком. Заспанный, в меру трезвый проводник принес некрепкий чай в великолепных мельхиоровых подстаканниках. Пожалуй, эти подстаканники были последним напоминанием о некогда отменном сервисе некогда престижного экспресса. За ужином был выпит не только чай, но и несколько рюмок прекрасного кубанского коньяка «Большой приз» — под не менее прекрасные лимоны, заботливо упакованные в дорогу моей дражайшей половиной. И тогда я сказал:

— Иван Ксенофонович, пора вам все-таки объяснить мне толком, куда мы едем и зачем. Ведь ни в Фонде культуры, ни в консульстве, где отмечали визу, мне ничего вразумительного так и не сказали!

Академик округлил глаза:

— Да неужто? Ну, придется мне вас просветить. Нашим приятным путешествием, голубчик, вы обязаны своей статье о реализации психологического портрета жертв насилия. Прелюбопытнейшая научная статья, должен сказать. А вы знаете, что после американцев ее перепечатали несколько европейских журналов? Среди них был и один чехословацкий. А в поле зрения чешских историков статья попала в связи с проводимыми сейчас исследованиями в знаменитом Духцовском замке.

Я молчал: не хотелось признаваться, что про знаменитый этот замок слышу в первый раз. Академик явно наслаждался моей беспомощностью в исторической науке. А насладившись, прочел мне целую лекцию, которую я постараюсь сейчас пересказать.

Духцовский замок не относится к старинным рыцарским замкам. Он построен гораздо позднее, а знаменит тем, что именно в нем, спасаясь от гнева могущественных монархов Европы, в XVIII веке почти семь лет жил беспутник Джованни Джакомо Казанова, т.е. шевалье де Сенгальт — величайший авантюрист, жуир, эпикуреец и покоритель самых пылких аристократок Италии, Франции, Испании, Австрии,

Венгрии, Чехии, Англии, России, Польши, Богемии... За эти семь лет Казанова написал все двенадцать томов своих мемуаров. И начал писать тринадцатый. Именно на этой роковой цифре, как утверждают исследователи, великого авантюриста и прелюбодея настигла смерть.

И вот что странно. Итальянец по национальности, Казанова почему-то написал двенадцать томов своих знаменитых мемуаров на французском языке. Истинные знатоки его творчества уверяют, что Джованни Казанова все-таки писал на итальянском, а на французский переводила маркиза Аннет — Жанетта Ледью де Катри.

Казанова в Духовце жил затворником, лишь изредка появляясь в обществе — и непременно в сопровождении маркизы (кстати, по свидетельствам современников, красивейшей женщины — длинноволосой жгучей брюнетки с ярко-синими, как васильки, глазами). Так вот, есть предположение, что маркиза Ледью де Катри делала переводы мемуаров Казановы на французский втайне от автора, а затем французский текст пересылала в Версаль Людовику XVI, тому самому, который был осужден Конвентом во времена Великой французской революции и казнен. По свидетельству историков, в обширной личной библиотеке Марии-Антуанетты после ее казни в 1793 году были обнаружены первые четыре тома мемуаров Казановы, переписанных рукой маркизы Ледью Катри.

Эти четыре тома прекрасно сохранились и до нашего времени в одной из специальных библиотек Французской Академии. И по заключению, выданному Академией, стилистика и манера изложения мемуаров позволяют утверждать, что мемуары действительно принадлежат Джованни Казанове и писаны им самим, а не кем-то под его диктовку, и только потом переписаны (или переведены?). Остается согласиться с тем, что маркиза Ледью де Катри действительно переписывала по-французски то, что писал Казанова.

Остальные восемь книг мемуаров Казановы (опять же написанные рукой маркизы де Катри) отыскивались в Вене у Габсбургов, что кажется удивительным лишь на первый взгляд. Ведь Мария-Антуанетта, жена Людовика XVI, которой маркиза де Катри аккуратно отправила первые четыре тома мемуаров Казановы, была дочерью австрийского императора, а Чехия с 1867 года входила в Австро-Венгрию.

Габсбурги долго хранили мемуары Казановы, что называется, под замком. И было почему. Легкомысленный искатель приключений, обольститель и без того не очень стойких сердец многих благородных дам французского, немецкого, русского и австрийского дворов, Джованни Казанова в своих мемуарах выворачивал наизнанку нравы и порядки (мздоимство, прелюбодейство, казнокрадство, пьянство и т.д.) известнейших королевских, царских и императорских домов Европы. Есть свидетельства, что мемуары Казановы хотели выкрасть у Габсбургов две разведки — британская Интеллидженс сервис и немецкая разведка Генерального штаба: до того в этих мемуарах было много компрометирующих высшую знать материалов. Но Габсбурги цепко держали свою добычу. Только в начале XIX века, когда уже умерли многие упомянутые Казановой персонажи, был опубликован сильно усеченный вариант мемуаров. Надо полагать, австрийский двор огреб неплохие денежки: книжки расходились тысячами, и стоили недешево.

А вот с тринадцатым томом мемуаров Казановы никакой ясности до сих пор нет (как, впрочем, и с оригиналом, вышедшим из-под пера самого Казановы). И тринадцатый том мемуаров, и предыдущие двенадцать, написанные на итальянском языке, несомненно, существовали, но исчезли бесследно. Как в воду канули.

Изложив все это, академик посмотрел на меня вопросительно: ну, и как, мол, тебе эта история?

— Занимательная история,— сказал я.— Достойная внимания кладоискателей, лингвистов и историков. Но я-то ведь ни то, ни другое и ни третье! Меня-то зачем тянуть в этот Духовский замок?

— Вы не торопитесь, голубчик, настанет и ваш выход на сцену,— с хитрецой ответил академик.

А дальше мне уж не казалось, что он читает мне лекцию. С лекцией было покончено. Пришел черед детективного романа, сдобренного хорошей дозой «чертовщины». И этот роман Иван Ксенофонтович со всею своей добросовестностью мне пересказал...

Казанова никогда бы не приобрел такую широкую славу международного авантюриста, если бы не умел следить и выслеживать. Как написано в полицейских протоколах допросов слуг замка, в 1798 году Казанова все-таки обнаружил, что маркиза де Катри занимается тайной перепиской и отправкой за пределы Духцова замка его мемуаров. К этому времени престарелому обольстителю было за семьдесят, и тридцатилетняя маркиза де Катри (опять же, со слов слуг замка) завела любовную интрижку с уланским офицером, который, по всей видимости, и доставлял ко двору царствующих особ копии мемуаров Казановы. Разъяренный обманом любовницы, Казанова прямо во дворе Духцовского замка убил улана в честной дуэли на глазах у секундантов.

Поутру в замке обнаружили еще два трупа. В длинном коридоре первого этажа, он назывался зеркальной галереей, поскольку был обрамлен сорока восемью громадными венецианскими зеркалами размером в три человеческих роста, упрятанными в сводчатые полугроты,— нашли неверную маркизу Ледью де Катри — в праздничном голубом пеньюаре и с итальянским кинжалом в груди, а в спальне — самого Казанову, тоже бездыханного. Глаза первейшего авантюриста Европы были широко открыты, а почерневшая рука в предсмертной судороге крепко сжимала недопитую чашу с отравленным вином. Так, судя по документам, ушел из жизни знаменитый авантюрист, жуир и прелюбодей Казанова в далеком 1798 году.

Не так давно Духцовский замок поставили на реставрацию. Речь шла не только о покраске-побелке: в замке кое-где подгнили перекрытия, покосились рамы окон, ставни, износилось дерево дверей, расшатались от времени камни внутренних стен. Словом, завезли материалы, пришли рабочие, и...

И на одного рабочего внезапно упал громадный средневековый камень. Второй рабочий сорвался с крыши и, если бы не страховочный пояс, он наверняка бы погиб. Под группой несчастных рабочих внезапно открылся потайной люк, внешне настолько искусно заделанный средневековой кладкой, что, казалось, по этим камням танк проехать может. По счастью, работяги, свалившиеся в этот люк, отделались не смертями и переломами рук — ног, а лишь ушибами, синяками и шишками на разбитых головах.

Все эти происшествия сопровождалась какой-то мистикой: то безумным хохотом, гремевшим, как громовые раскаты, то невнятным бормотанием на непонятном языке, а то и появлением призрака маркизы де Катри, движущимся по коридору с венецианскими зеркалами — в том самом месте, где она была убита.

Напуганные рабочие, получившие травмы и увечья, побросали работу и уволились, а новых набрать из-за циркулирующих вокруг замка слухов было просто невозможно.

Реставраторы обратились, что называется, в компетентные органы, которые вроде бы выполнили все, что полагалось: с помощью современной аппаратуры обследовали каждое помещение Духцовского замка. Нашли замурованные ниши со скелетами двухвековой давности, вскрыли их, вычистили; отыскивали подземный ход, замуровали его во избежание проникновения посторонних; установили наружную и внутреннюю сигнализацию — в частности, в зеркальной галерее, где, по словам рабочих, бродил призрак маркизы де Катри, поставили электронное оборудование, обнаруживающее движение любого предмета (одушевленного или нет) размером свыше десяти сантиметров. В замке стали постоянно дежурить три сотрудника полиции. Казалось бы, и мышь незамеченной проскочить не должна. Но...

В первый же вечер дежурства полицейских над ухом одного из них, мирно отдыхавшего на топчане, придвинутом к глухой стене, раздалось тихое, но внятное бормотание молодого женского голоса, изъяснявшегося на языке, напоминающем староитальянский. В ту же минуту громко закричал другой полицейский, дежуривший на первом этаже. По известному уже нам коридору, обрамленному громадными венецианскими зеркалами, мимо включенных, но молчавших ультрасовременных приборов электронного обнаружения прямо на стражей порядка двигался призрак маркизы де Катри в голубом пеньюаре. Лицо ее было страдальчески искажено, в груди торчал итальянский кинжал с окровавленной рукояткой...

Не совладав с собой, полицейский выхватил табельное оружие и, резко присев, как на учениях, держа обеими руками тяжелую рукоятку армейского револьвера крупного калибра, трижды выстрелил в двигающееся привидение. В ответ раздался сатанинский хохот, призрак не исчез, а двинулся вперед еще быстрее; одна из пуль, срикошетив о твердый камень, попала в ногу полицейскому, он упал на пол, крича от боли и ужаса. Двое других стражей порядка схватили пострадавшего под руки и, полуживые от страха, выскочили во двор замка. В замке продолжало грохотать эхо сатанинского хохота...

Наутро замок опечатали, вновь приехала бригада из компетентных органов. Проверили приборы обнаружения. Выяснили, что приборы исправны. Опросили свидетелей происшествия, пострадавшего, с чем и отбыли. Так до настоящего времени Духцовский замок и стоит опечатанным. Снаружи поставили крепкую охрану. Вот, собственно говоря, и все.

Дослушав историю до конца, я, уважаемые мои читатели, озадачился еще сильнее: меня-то зачем везут в Духцов замок?

— А не надо было статей писать, голубчик, о постмортальной реализации психологического портрета жертв насилия,— академик улыбался.

Я оторопел:

— Мне что, предстоит войти с ней в контакт? Ну, с маркизой де Катри?!

— По крайней мере, мои чешские коллеги на это очень рассчитывают,— серьезно ответил Иван Ксенофонович. Воцарилось тягостное молчание.

— Вы что же, намерены отказаться? — забеспокоился академик.

— Приедем — увидим,— ответил я коротко и подумал, что обязательно сойду с этого проклятого экспресса на российской пограничной станции и куплю билет в обратную сторону.

Минут через двадцать я уже крепко и спокойно спал. До пограничной станции оставалось часов семь, и я успел хорошо выспаться.

Когда проснулся, академик еще мирно посапывал, повернувшись лицом к стене. Я тихонько оделся, взял свой небольшой дорожный кофр и, стараясь действовать как можно тише, выбрался в коридор, аккуратно затворив за собой дверь.

Мы подъезжали к станции. Было еще довольно рано, и пассажиры в большинстве своем спали. Только в конце коридора у окна стояла высокая женщина в светло-голубом костюме, с темными блестящими волосами, спускающимися ниже плеч. Что-то неуловимо знакомое было в ее облике, но я никак не мог вспомнить, где ее видел. В правой руке женщина держала длинный блестящий мундштук серебристого цвета, в него была вставлена дорогая ароматная сигарета, запах которой еле слышно долетал до меня и щекотал ноздри благовониями египетского табака.

«Ну, вот, еще одна брюнетка в голубом! — подумал я, издеваясь над своими недавними ночными страхами. А блестящий мундштук можно легко принять за нож. Хорошо еще, что эта стоит, а не летает. И глаза у нее, наверное, карие... У таких брюнеток большей частью такие коричневые, спелые вишни вместо радужки глаза».

Выглянул первый робкий лучик утреннего солнца. Он весело пробежал по стеклам нашего экспресса, отразился в никелированной ручке ближайшего купе и ударил

женщине в глаза. Спасаясь от солнечного света, она повернула голову, и я оторопел: из-под блестящих черных волос на меня смотрели холодным немигающим взором темно-голубые, как крупные полевые васильки, глаза маркизы Ледью де Катри...

В наше купе я ворвался со скоростью хорошо пущенной хоккейной шайбы. Плюхнувшись на свою полку, я замер, обхватив руками кофр. В этой позе меня и обнаружил академик, проснувшийся через полчаса от настойчивого стука в дверь купе.

— Не открывайте! — завопил я благим матом, еще глубже забиваясь в угол.

— Голубчик, это же пограничный контроль, — возразил мне академик и широко распахнул нашу дверь.

Моя полубессвязная речь и затравленный взгляд произвели на сержанта-пограничника не лучшее впечатление. По крайней мере, кофр мой он досматривал с особой тщательностью, а затем попросил снять плащ, пиджак и даже ботинки. Особый интерес у сержанта вызвал мой тюбик зубной пасты, который он сосредоточенно и долго исследовал как со стороны крышечки, так и со стороны жестяных завитушек. Я уже пришел в себя и, когда сосредоточенный сержант, ничего предосудительного не найдя, хрястнул по страничке моего паспорта разрешающим компостером, я проводил его словами:

— Что же вы брюки не заставили снять? — Сержант, естественно, никак на этот выпад не отреагировал.

Все это время мой попутчик глядел на меня с крайним неудовольствием. А я, молча, достал вчерашнюю початую бутылку коньяка, налил полстакана и залпом выпил.

— Ну, хватит, — сказал академик решительным тоном. — Рассказывайте, что с вами случилось.

И я... рассказал. Отнесся он к моим словам неожиданно серьезно.

Встал, пошел к проводнику. Через несколько минут вернулся. Веселый.

— Голубчик, ваша «маркиза» просто Агнесс Млыжечкова. Проводник говорит, что она «челнок». Ну, знаете, как все эти люди, которые туда-сюда возят пользующиеся спросом вещи. Из России в Чехию — оренбургские платки, электробритвы, часы, а из Чехии в Россию — обувь, кофточки, посуду. Эдакий малоуголовный бизнес. Проводник уверяет, что Млыжечкову и в этом экспрессе, и на таможне очень хорошо знают. Контактная особа, оборотистая, абсолютно без комплексов, говорят, не брезгует ни мелкими подношениями «обслуге» экспресса, ни даже интимными связями с пограничной стражей. Кстати, вот, пожалуйста, глядите сами, — академик ткнул пальцем в окно. По перрону шла Агнесс Млыжечкова, весело хохоча с каким-то капитаном-пограничником. Рядом с рослым военным она и впрямь смотрелась маркизой: дорогой шерстяной костюм светло-голубых тонов отлично сидел на умопомрачительной фигуре, где всего женского было в меру. В ту самую меру и пропорцию, что заставляет мужчин (если, конечно, они здоровы) оборачиваться на улице, глядя вслед прошедшей мимо женщине.

То, что «маркиза» оказалась обычной спекулянткой, вернуло меня к реалиям жизни, и я готов был посмеяться над своими ночными страхами. А если в замке что-то нечисто, — думалось мне, — то объяснение наверняка найдется самое простое, без всякой там мистики...

В Духовский замок чешские коллеги академика доставили нас под вечер. Косые лучи заходящего солнца освещали таинственный замок Казановы. К моему разочарованию, строение совсем не походило на рыцарский замок. Скорее, его можно было сравнить с подмосковной усадьбой графа Шереметева. Основной корпус был двухэтажным со сводчатыми полуовальными окнами, от него по переходам можно было пройти в два трехэтажных строения, симметрично расположенных справа и слева от основного здания. Двор с зеленым травяным ковром замыкала кованая ста-

ринная ограда с массивными воротами литого чугуна, петли которых были вмонтированы в громадные тумбы из светло-серого камня, увенчивающиеся прекрасными скульптурами, изображающими античных героев. Красная черепичная крыша, ярко-желтая окраска фасада, затейливые решетчатые рамы окон — такое сочетание действовало, пожалуй, умиротворяюще. И уж, конечно, ничего зловещего в нем не было.

Ученые-историки из Чешской Академии наук спокойно продолжали свою работу в замке Казановы, несмотря на слухи о привидениях. Они сказали нам, что с тех пор, как ремонтные работы были приостановлены, никакие призраки не мешали им заниматься наукой. По крайней мере, как нам рассказал профессор Густав Стражек, он несколько недель абсолютно беспрепятственно работал со своими помощниками над манускриптами в библиотеке замка, и, засиживаясь допоздна, возвращался ночью по известной уже нам зеркальной галерее, но никаких привидений — ни ходящих, ни летающих — ему не встречалось.

Честно говоря, я бродил по Духцовскому замку с каким-то двойственным чувством. С одной стороны, не было оснований не верить словам рабочих и полицейских, видевших призрак «дамы в голубом». С другой стороны, я понимал, что кому-то реальному, живому и теплому, зачем-то потребовалась эта мистификация. Можно, например, ряженую в голубое куклу пустить «летать» по проволоке, протянутой в зеркальной галерее первого этажа. Но приборы? Они немедленно подняли бы такой вой (по типу сирен воздушной тревоги), что любым призракам стало бы тошно. А приборы молчали. Значит, мимо них ничто живое или мертвое не пролетало и не проходило. Но что же тогда видели и слышали люди?

Целую неделю я занимался тем, что опрашивал свидетелей этих странных явлений. Постепенно сложилась следующая картина:

— до полутора десятков людей либо слышали странные голоса в замке, либо видели призрак маркизы де Катри;

— указанные явления появились только в последние год-два, когда стали постепенно реставрировать помещения замка, до этого о призраках в замке Казановы никто не слышал и их не видел;

— призрак вел себя агрессивно всякий раз, когда рабочие пытались вести капитальные работы (разбирать стены, перекладывать дубовые перекрытия, вскрывать полы), при этом призрак не мешал производить мелкий декоративный ремонт (покраска, побелка) ни снаружи здания, ни внутри;

— наивысшую агрессивность призрака вызывали поползновения строителей заменить черепицу на крыше здания (если помните, один рабочий был даже сброшен вниз, при этом рабочий уверял, что неведомая сила толкнула его снизу, из-под крыши).

Проанализировав все эти странные обстоятельства, я пришел к выводу, что мы имеем дело с каким-то средневековым иллюзионом, и его по неведомым мне причинам устраивают реально существующие, вполне современные люди. Мне удалось убедить в этом и Ивана Ксенофонтовича, и его чешских коллег. Мы решили так: коли кто-то конкретный мешает нахождению в замке людей, значит, у этого конкретного есть в том какая-то корысть. В чем же она состоит? Может, в замке имеются ценные картины, мебель, стоимость которых мы не представляем?

Я посоветовал сделать вид, что мы готовимся вывозить ценности из замка. Подогнали вечером машины, стали таскать туда-сюда наиболее ценные, по нашему мнению, полотна, связки книг из библиотеки, старинные диваны. Таскали до часу ночи, умаялись. Призрак не появлялся. Поутру, отдохнув и все расставив по своим местам, стали думать, как же все-таки вызвать призрак. При этом академик не очень одобрял мои провокации в отношении вызова призрака.

— Ну, вызовем мы его,— говорил он опасливо,— а сами потом куда денемся?

— Никуда деваться мы не будем,— отвечал я твердо, войдя в раж борьбы с неве-

домым, — что сделает вам этот призрак убиенной дамы? Захочет, налетит? Может, вы, Иван Ксенофонтович, боитесь быть изнасилованным на старости лет?

— При чем тут старость? — быдился академик. — У меня дед в возрасте 80 лет еще с сельскими молодухами «женихался», а мне всего 64!

— Ну что ж, — заключил я, — так и решим: мое дело — вызвать призрак маркизы де Катри, а ваше — ублажить ее по женской части. Хотя в этом деле будет серьезная трудность.

— Какая трудность? — озадачился академик.

— А Вы в уланах, как ее любовник, не служили... — прыснул я.

Шутки-то шутками, а весь следующий день, предупредив наших чешских коллег о плане вызова привидения, мы с Иваном Ксенофонтовичем, переодевшись в спецовки, усердно изображали подготовку к капитальному ремонту в одной из комнат: стучали молотками, заставили притащить нам раствор и даже выковыряли громадный камень из одной стены. Производили мы все это с нарочито большим шумом, треском и стуком.

Было уже совсем темно, когда мы со второго этажа по гулким ступеням, соблюдая всяческие предосторожности, спускались на первый этаж.

В связи с тем, что нам предстояло преодолеть до выхода из замка зеркальную галерею, приборы слежения, которые когда-то установила полиция в этом месте, были отключены. Из-за дверного проема я осторожно выглянул в сумрак зеркальной галереи. Там никого не было. Мы с академиком неторопливо двинулись вперед.

И только тогда, когда мы находились почти на середине галереи, мне почудился легкий скрип, идущий от стены, будто повернули шарнир или заскрипел хорошо натянутый трос. Боковым зрением я успел заметить, как находившееся от меня справа громадное венецианское зеркало чуть-чуть повернулось вбок, хотя раньше я считал, что оно вмуровано в полугрот. То же самое произошло и с зеркалом, находившимся слева. Внезапно в обоих зеркалах вспыхнуло пламя свечи, а за нашими спинами в конце коридора возник призрак маркизы де Катри — в голубом прозрачном пеньюаре, с бледным страдальческим лицом, на котором резко выделялись темно-голубые, как васильки, глаза.

Призрак внимательно посмотрел на нас, беззвучно воспарил на высоту метров трех, издал страдальческий стон, сжавши обеими руками рукоятку кинжала, торчащую из груди, а затем по всей галерее раздался безумный сатанинский смех. Призрак медленно и беззвучно стал направляться к нам. Иван Ксенофонтович схватил мою руку и попытался увлечь меня к выходу, но я стоял крепко. Привидение было уже совсем близко. Я видел ее бледные руки, горящие глаза, я был готов поклясться, что это глаза живого человека. Я видел эти глаза раньше и узнал их — это были... это были... уже знакомые мне по приключению на пограничной станции глаза Агнесс Млыжечковой.

Стоявший рядом со мной Иван Ксенофонтович вдруг охнул, схватился за сердце и стал сползать на пол. Я подхватил его, а призрак маркизы де Катри, не прекращая адски хохотать, проследовал мимо и оказался у меня за спиной. Я резко обернулся — призрак удалялся, но у призрака не было спины, он удалялся лицом ко мне. И вдруг догадка озарила меня, как тот луч в вагоне экспресса на приграничной станции, ударивший в лицо Агнесс Млыжечковой. И я заорал во все горло, перекрывая сатанинский хохот:

— Млыжечкова, я тебя видел!

Что-то загрохотало в верхних помещениях. Наверху кто-то был. Хохот оборвался. Она... (именно, Млыжечкова!) видела меня. И не только видела, а непостижимым образом могла слышать и наблюдать за моими перемещениями, оставаясь совершенно недосягаемой для меня. Наверх! Я стремительно бросился к лестнице, ведущей на второй этаж, споткнулся о выбоину в каменном полу, растянулся, и это спасло мне

жизнь. Буквально перед моим носом внезапно хлопнулся и разлетелся осколками достаточно большой камень, резко выпавший из соседней стены.

Казалось, началось землетрясение. Почти с пятиметровой высоты (а именно такими были стены зеркальной галереи) то там, то здесь падали большие камни, будто чья-то злая воля выталкивала их из стен. Ввалив на себя неподвижного Ивана Ксенофонтовича, я бросился к выходу.

Нет! Это не было бегством. Просто мне надо было попасть на верхние этажи здания, и я вспомнил о пожарной лестнице, которая вела на крышу. Эту лестницу приколотили уже в нашем веке, поэтому древние механизмы, установленные в замке, не помешали бы мне проникнуть наверх. А в том, что я столкнулся с человеком, который лучше меня знал замок со всеми его средневековыми секретами, я уже не сомневался. Мне было предельно ясно, что противник пытается меня запугать, но при этом и сам боится меня. А если боится, то попытается и убить. Что тут же и подтвердилось: едва я высунул голову из дверей, как возле моих ног с ужасным треском раскололась о вековой мрамор ступеней деревянная бадья, в которой еще недавно рабочие замешивали раствор. Я оттащил Ивана Ксенофонтовича обратно в тамбур двери (здесь было безопасно) и, слегка похлопав академика по щекам, привел его в чувство. Иван Ксенофонтович открыл глаза и громко чихнул.

— Что это было, голубчик? — слабо спросил он.

— Где болит? — в ответ спросил я.

— Не беспокойтесь, голубчик, — уже яснее ответил академик и сделал попытку встать.

— Отсюда — ни шагу! — рявкнул я полковничьим басом на бедного академика и, вспомнив навыки, приобретенные на полузабытой уже срочной военной службе, короткими перебежками добрался до пожарной лестницы.

Уже взбираясь на крышу по железным ступенькам, я бросил взгляд на главный корпус замка Духцов. Луна, всюсю сиявшая над замком, ярко освещала силуэт человека, стоявшего на крыше у большой трубы. Скользя по черепице, я двинулся навстречу неведомому противнику. Человек, стоявший у трубы, внезапно прижался к ней и... бесшумно исчез. Тяжело дыша от непривычной физической нагрузки и волнения, я все-таки добрался до этой трубы. Оперся на нее — и вдруг почувствовал, что труба поворачивается вокруг своей оси. Открылся довольно большой лаз.

Каменные ступени вели вниз, на чердак. Соблюдая максимум осторожности, я спустился. Моим глазам открылась большая комната, обитая чем-то мягким, наощупь похожим на шелк. Чиркнула спичка, в дальнем углу комнаты загорелось тонкое пламя свечи, из полутьмы стало проступать лицо маркизы де Катри. Шаг вперед — и вот уже передо мной в голубом прозрачном пеньюаре стояла молодая, красивая, почти нагая женщина.

— Ну, что же вы стали, мой рыцарь? — услышал я достаточно мелодичный голос, изыскавшийся с заметным акцентом на русском языке. — Проходите, мой смельчак, мы будем ужинать.

Это было так неожиданно, что я подчинился. Женщина взяла большой бронзовый подсвечник, вставила туда пять массивных свечей и, ничуть не торопясь, зажгла каждую из них. Я смог более внимательно рассмотреть комнату. Чего тут только не было! Картины, кубки, фолианты, старинные рыцарские доспехи, шпаги, эфесы которых были богато украшены камнями, кремниевые пистолеты — все это было тщательно протерто и расставлено на стеллажах, развешано на стенах. Передо мной стоял небольшой мраморный столик, инкрустированный драгоценными минералами различного цвета. Женщина, ничуть не смущаясь своей полуприкрытой наготы, поставила на этот стол два кубка, налила из глиняного сосуда темно-вишневое вино. Заметив мой взгляд, расхохоталась:

— Это не есть отравленное вино, которое пил Казанова перед смертью, — сказала

она, премило коверкая русские слова и путая падежи.— Это вино из прекрасных вишневых садов моей родины — Венгрии.

— Значит, маркиза де Катри... — начал я.

— Да,— кивнула женщина,— моя далекая прародительница, которую вы называете маркизой де Катри. В действительности она была дочерью малоземельного венгерского крестьянина. Затем ее похитил владетельный барон Дьюлаи: настоящий мужчина, храбрый, сильный, богатый, могущественный. Он привез ее ко двору императора Австро-Венгрии, где ее почему-то приветила дочь самого императора Мария-Антуанетта — будущая королева Франции. Барон Дьюлаи вскоре погиб в каком-то сражении, а моя прародительница направилась в Версаль — в свите будущей французской королевы. Позднее она выпросила себе через Марию-Антуанетту титул маркизы, что было нетрудно: король Людовик XVI, говорят, обожал жгучих брюнеток с голубыми глазами. В знак признательности к погибшему мужу маркиза сохранила в своем имени приставку «дью», а «Ле Катри» было взято от названия маленького местечка рядом с Венсенским замком, где Людовик XVI впервые наслаждался прелестями моей обворожительной прародительницы.

— А как же Казанова? — спросил я.

— А Казанова как раз обретался тогда при французском дворе. И, по слухам, совратил Марию-Антуанетту. Рассерженный король потребовал от своей супруги удалить за пределы Франции этого скандального потрошителя царственного алькова. Мария-Антуанетта на ссылку Казановы согласилась, но при одном условии: с ним отправится новая фаворитка короля — маркиза Ледью де Катри! На том мирно и по-решили. Мария-Антуанетта написала своему царственному батюшке слезное письмо, а тот определил место пребывания Казановы: задворки Австро-Венгрии, захолустный Духцов. Кстати, именно об этом и пишет в своем тринадцатом томе мемуаров сам Казанова.

— В тринадцатом томе? — вскричал я.— Но их же известно только двенадцать!

— Ах, нет, мой милый друг,— ответила женщина.— Маркиза де Катри незадолго до смерти все-таки успела переписать неоконченный тринадцатый том мемуаров Казановы, где и описаны все эти события. И даже отправила — но не к венскому двору, а в принадлежащее ей поместье барона Дьюлаи, где воспитывался ее сын — мой будущий прадед. Причем, маркиза отправила не только последний неоконченный том мемуаров Казановы, но и план Духцовского замка с подробным описанием тайников, ловушек, подземелий, тайных кладов и всей чертовщины, которую великий иллюзионист Казанова создавал для легковерных.

— Значит, призрак дамы в голубом создан еще Казановой? — удивился я.

— Нет,— расхохоталась женщина,— призрак дамы в голубом создан мной, Агнесс Дьюлаи. Млыжечкова я по мужу. Кстати, Вацлав Млыжечков благопристойно служит неприметным чиновником в местном магистрате и ничем, кроме пива, не интересуется. Замуж за него я вышла только для того, чтобы быть поближе к Духцовскому замку, план которого с пометками самой маркизы де Катри перед смертью вручила мне бабушка.

— Но для чего же вам был нужен этот план? — спросил я.

На лице женщины промелькнуло разочарование:

— Боже мой, неужели вы, такой храбрый и представительный мужчина, понимаете не больше, чем мой муж? План замка, который прислала с таким трудом маркиза де Катри, таит в себе несметные богатства. Здесь драгоценностей — на десятки миллионов долларов! Неужели вы думаете, что я, как обычный «челнок», вожу в Россию дрянную обувь и дешевые кофты?

— Но если вывезить ценности, то не выгоднее ли — на Запад, а не в Россию? — заметил я.

— Я пыталась,— вздохнула Агнесс Дьюлаи.— Но в Германии полиция стала за-

давать много вопросов, а в Англии вообще не попасть на аукцион без предварительной заявки в каталог. Другое дело — Россия. Ваши новые богачи сегодня гребут все подряд и платят хорошие деньги. Камни, старинное оружие, книги, чеканные кубки... Они плохо во всем этом понимают. Да и провезти к вам, в Россию, под видом «челнока» можно хоть все сокровища мира. Вы же сами видели меня на таможене. Улыбнусь одному, подарю безделушку или бутылку второму, пересплю с третьим — вот и провезу ценностей на пару миллионов долларов. А теперь я хочу вам показать свое богатство.

— Покажите фокус с зеркальной галереей,— попросил я.

— Нет ничего проще,— согласилась Агнесс.— Откройте это небольшое слуховое оконце, оно ведет как раз в зеркальную галерею. Теперь поставьте сзади себя свечу — так, чтобы ее свет падал на зеркало, вмонтированное в потолок этой комнаты, затем вращайте медленно вот это колесо, оно системой тросов связано с устройством, поворачивающим поочередно венецианские зеркала в зеркальной галерее. Так, теперь начинайте двигаться. Сейчас ваше изображение как бы идет по зеркальной галерее. Ну, а если чуть-чуть повернуть отражатель, то Вы будете лететь по воздуху.

Повернуть отражатель я не успел: внизу раздался истошный крик.

— Вот видите, Ваш напарник уже увидел Вас,— сказала Агнесс.— Вы даже можете сказать ему несколько слов через вот эту систему слуховых труб, только говорите потише, иначе вы на него наорете громовым голосом.

Я поднес ко рту какое-то устройство, напоминающее современный мегафон, соединенное полой деревянной трубкой из бамбука прямо со стеной.

— Ну, говорите же скорей,— теребила меня Дьюлаи.

— Успокойтесь, Иван Ксенофонович, я скоро приду. Со мной не приключилось ничего плохого,— сказал я как можно тише в своеобразный бамбуковый микрофон.

Агнесс властно закрыла своей рукой слуховую трубу.

— Теперь время общаться со мной,— сказала она каким-то неестественным томным голосом.— Теперь я покажу вам главное сокровище этой комнаты — кровать для любовных игр самого Казановы.

Она подвела меня к какому-то странному, жесткому топчану, стоявшему вплотную к стене.

— Ложитесь же скорее,— произнесла она.— Я знаю еще много секретов Казановы.

Я продолжал стоять, беспомощно озираясь. Предаваться любовным утехам с женщиной, которая получасом раньше чуть не отправила меня к праотцам, да еще проделывать с ней разные любовные штучки на ложе самого Казановы — не чересчур ли?

Увидев мои колебания, Агнесс решительно распахнула голубой прозрачный пеньюар, и предстала передо мной нагая: литая упругая молодая грудь, беломолочный атлас кожи стройных бедер... От неожиданности я попятился, зацепился за ножку топчана и с размаху шлепнулся на него всем весом.

Топчан в ту же секунду резко перевернулся, открылся люк, и я полетел в пустоту.

Перед тем, как потерять сознание, я услышал где-то совсем близко завывание полицейских сирен...

Я пришел в себя от того, что кто-то хлестал меня по щекам. Очень болела голова, но веки, к моему удивлению, открыть мне все-таки удалось.

На мне почти сидел Иван Ксенофонович и, тряся академической бородкой, пытался привести меня в чувство. Я прервал его варварский метод оказания медицинской помощи, сел и стал оглядываться. Кругом сновали полицейские, пожарные и коллеги Ивана Ксенофоновича. Вне себя от радости, академик почти плакал, стискивая меня в объятиях:

— Ой, Господи, жив, ой, Господи, жив! — повторял он поминутно.

— Погодите, Иван Ксенофонович,— прервал я его лепетание.— Откуда все эти люди?

— А телефон зачем, голубчик? Я позвонил сразу всем, кому мог. Вот только карета «скорой помощи» где-то задержалась.

Мимо нас два полицейских провели Агнесс Дьюлаи, замотанную в какую-то простыню. Руки ее были в наручниках. Она ненавидяще посмотрела на меня своими прекрасными темно-голубыми глазами и процедила, едва разжимая тонкие злые губы:

— Не убила все-таки... А жаль!

* * *

Насколько мне известно, приговор гражданке Чехии Млыжечковой до сих пор не вынесен: следственные органы Чехии и России не могут установить точно количество похищенного. Как только следствие вроде бы движется к завершению, так Млыжечкова «внезапно вспоминает» историю с еще одной проданной в России вещью из замка Казановы. Вновь начинаются розыски покупателей, очные ставки, экспертиза похищенного и так далее. На что Агнесс надеется, когда тянет таким образом время, я не знаю.

А фокус с привидениями в зеркальной галерее Духцовского замка теперь показывают туристам. От желающих нет отбоя...

Не верите — поезжайте в Духцов и спросите. Можете даже сами посмотреть. Лично я — пас: насмотрелся.

Олеся Янгол
г. Юрмала, Латвия

ДРУЖБА В РИТМЕ ТАНГО

Чмыр Олеся Владимировна. Публикации: «Приокские зори» (Тула, Россия), «Волга XXI век» (Саратов), литературная газета «Изюм» (Тула), «Чешская звезда» (Чехия), «Север» (Карелия), «Кольцо А» (Москва). «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток». Член редакции журнала «Приокские зори» (Тула). Один из авторов двухтомного сборника «Мантрици» (изд-во «Карпатська вежа», Украина). Как художник работает в области станковой живописи и оформления книг.

1

Мне представилось, что я — дом. Старый, заброшенный, с бьющимися на ветру ставнями, разбитыми стеклами и мусором, свободно гуляющим по пустынным комнатам. Друзья исчезли так же быстро, как ссыпается со стен потрескавшаяся штукатурка. Потом посыпались кирпичи — жена и дети... А все потому, что мой бизнес, дав трещину, рухнул. Я, как говорят, прогорел и погряз в долгах. Расплатившись с кредиторами, а для этого пришлось продать не только бизнес со всем оборудованием, но и часть недвижимости, которую удалось отсудить в неравном бою, при разводе, я оказался в съемной квартире, в самом захолустном районе города.

Нашел работу на складе супермаркета средней руки. Этих денег едва хватало на оплату счетов и еду. Я был непривередлив. Оказалось, что могу обходиться малым. И такое положение дел меня не пугало. Сломало другое — предательство. Только сейчас я честно осознал, что нужен был другим лишь из-за денег — и жене, и детям, и друзьям.

А были ли они — друзья? Я переживал, первое время изводил себя вопросами. Потом мой мозг, видимо, устал, и пришло отупение. Сделалось тошно, и выхода из этого внутреннего ада я не находил.

Иногда мне казалось, что если бы я пил, то смог бы хоть как-то расслабиться и примириться. Но, увы, я совсем не пил. Друзья часто спрашивали, как я расслабляюсь и расслабляюсь ли вообще? На это я всегда отвечал шуткой, что просто не напрягаюсь.

А сегодня, после тяжелого дня, я намеренно купил вина. Самого дешевого, в картонной коробке. С картинки на меня призывно глядела восточная красавица с яркой гроздью винограда на фоне голубых гор. Ее взгляд, наверное, должен был мне сказать о том блаженстве, которое я получу, вкусив нектар содержимого коробки. И я налил полную кружку. Чтобы опьянеть, мне хватило четыре больших глотка. В голове зашумело, потом сделалось легко и мне захотелось улыбнуться. Но улыбаться было некому. Хотя... Передо мной, на захламленном столе, среди немых тарелок, сидел мой старинный дружок — вязаный, шерстяной мишка. Он был чуть больше ладони, с болтающимися, длинными лапками, лобастой головой и смешными, несураз-

ными глазками-пуговками, с любовью смотрящими на меня вот уже больше тридцати лет. Моя бабушка связала на спицах это сокровище из остатков пряжи тускло-коричневого цвета. Я сразу полюбил его. И все эти годы стеснялся своей любви. Считал его своим другом, и все, что не мог рассказывать другим, поверял своему Михасику. Единственный раз в жизни поделился этим секретом с женой. Она поджала губы, и я понял, что больше никогда и никому не расскажу об этом. Но Михасик всегда был рядом со мной. Во всех путешествиях и поездках он уютно сидел во внутреннем кармане пиджака. И его присутствие много раз спасало меня от неверных и опрометчивых шагов.

Разговаривали мы обычно в машине. Здесь нас никто не мог ни видеть, ни слышать. Я сажал его на приборную доску, и долгое время ехал молча. Потом либо я заговаривал, либо он...

— Выше нос! — говорил он с хрипотцой.

Я, слабо улыбаясь, ждал, когда пройдет ком в горле. Отматывал километраж, потом, наконец, вздыхал полной грудью.

— Чего бы нам с тобой этакого перекусить? — спрашивал я.

— От суши не откажусь.

Мы заезжали в японский ресторанчик. Я выбирал закрытую кабинку, мы обедали с Михасиком и беседовали о том, о сем. Долгие годы он был единственным верным другом. А сейчас сидит среди тарелок, молчаливо наблюдая, как я пьянею от дешевого вина и пытаюсь заглушить накатившее чувство безысходности.

На крохотной кухне, в которой помещались холодильник и тумба для посуды, служившая одновременно и обеденным столом, стояла тишина. Здесь даже не было часов. Я уверен, были бы часы, их тиканье составило бы нам с Михасиком компанию, и я не решился бы на отчаянный шаг. Но ничто не тикало и даже не скрипело. И даже не было шума за окном. Потому что на такой высоте, а у меня был двадцать девятый этаж, не слышно не только детских голосов, но и шума большого города. Впрочем, и детей-то во дворе не было никогда. Да и двора, как такового, тоже. Все стерильно, гладко, как того требуют устои цивилизации и наш высокотехнологичный век.

Я слышал только звуки, издаваемые собственным носом. В этих звуках слышалось что-то северное, метельное, с подвыванием и отдаленным плачем потерянного младенца. Этим младенцем я и был сейчас. Брошенный, никому не нужный, одинокий. Мне сделалось себя безмерно жаль. Подвывание становилось громче и из носа уже предательски перебиралось в горло, заставляя голосовые связки подрагивать нервной струной. Я понял, что вино не спасает. Что от него сделалось еще горше и невыносимее. Я схватил почти полную коробку с намерением затолкнуть ее в мусорное ведро, но что-то остановило мой взгляд. На торце коробки сияющей строкой появлялась и исчезала призывная надпись — ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ!

Несколько долгих минут я тупо смотрел на рекламу, пытаюсь уловить смысл. По отдельности я понимал каждое слово. Но вместе они долго не приживались в моей, порядком расстроенной, голове. Видимо, я сильно отстал от жизни с ее быстро меняющимися канонами. И нормальная дружба, к которой я привык с детства, считалась уже устаревшей. А вот дружба за деньги... Секс за деньги мне был более привычен. Реклама, кстати, была не из дешевых. На копеечной коробке вина встроенная смарт-пленка, с видео самого лучшего разрешения. Я коснулся пленки, и тишину кухни пререзал громкий звук призывной мелодии.

ТРАМ-М-М-М-М...

ВЫ ОДИНОКИ?

ВАС БРОСИЛИ ДРУЗЬЯ? ЖЕНА? ДЕТИ?

ВЫ КУПИЛИ ДЕШЕВОГО ВИНА, ЧТОБЫ ЗАЛИТЬ СВОИ ГОРЕСТИ?

МЫ ГОТОВЫ ПРИЙТИ НА ПОМОЩЬ!

НАША ФИРМА «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ» К ВАШИМ УСЛУГАМ.

В рекламном ролике замелькали люди. Кто-то стоял у края моста, другой, сидя за столиком кафе, с тоской смотрел на прохожих. Молодая девушка с отчаянием в глазах глядела вниз с крыши небоскреба. Но тут... Трагичную мелодию сменяют трубные звуки оптимизма. И у моста останавливается автомобиль, в кафе звонит дверной колокольчик, у девушки в сумочке оживает телефон.

НАШ ДРУГ СПАСЕТ ВАС В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ.

ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ, ОТКРЫВ БЫСТРЫЙ КРЕДИТ В БАНКЕ ВСЕГО ЛИШЬ ОДНИМ КАСАНИЕМ СКАН-ОТПЕЧАТКА, И МЫ СПАСЕМ ВАС ОТ ОДИНОЧЕСТВА РАЗ И НАВСЕГДА!

На экране появился скан-отпечаток. Это новшество вошло в нашу жизнь сравнительно недавно. В супермаркете был целый отдел, где покупатели, прошедшие добровольную скан-адаптацию, уже всю пользовались подобной услугой. Необходимо было всего лишь коснуться средним пальцем левой руки специальной платежной панели, и со счета списывалась сумма за совершенные покупки. Я упрямо не желал пользоваться подобным новшеством, хотя, как и все, вынужден был пройти процедуру «добровольной скан-адаптации», иначе мог столкнуться с непреодолимыми препятствиями во взаимодействии с социальной средой. Старался обходиться обычной банковской картой, но сейчас...

Девушка стоявшая на краю небоскреба, окончательно сломила мою нерешительность. А может, и выпитое вино сыграло роль. Я поглядел в глаза Михасику. В его взгляде затаился страх. Видимо, он не хотел, чтобы я ввязывался в эту историю. Но мой палец уже ощутил едва уловимую прохладу смарт-пленки.

ТРАММ-М-М-М...

БЫСТРЫЙ КРЕДИТ, В ПЯТЬ ПРОЦЕНТОВ ГОДОВЫХ, ОФОРМЛЕН.

ТЕПЕРЬ ВЫ КЛИЕНТ НАШЕЙ ФИРМЫ.

ЖДИТЕ ЗВОНКА.

Дзи-и-и-инь...

От неожиданности я едва не выронил телефон.

— Алло! — услышал я свой хриплый голос.

— Благодарим вас за сотрудничество!

Женский голос звучал нежно и как-то уютно. Я весь превратился в слух.

— Наш сотрудник уже выслан по вашему адресу. Со своей стороны, мы гарантируем качество и полный комплект услуг, в который входит: А — душевная беседа, В — веселые истории, С — возможность клиента выговориться. А это прекрасная возможность сэкономить на психологе. И, наконец, D — танцы. От вас требуется — не удивляться и принять нашего сотрудника таким, какой он есть. Желаем провести приятный вечер в компании друга!

Я окинул взглядом кухню и увидел малоприятную картину. Захламленный стол, куча немойтой посуды и переполненное мусорное ведро. Вечер стремительно приближался. «Друг» мог нагрязнеть с минуты на минуту. Я кинулся спасать ситуацию. Быстро перемыл посуду, расчистил тумбу, смел мусор в мешок и подумал, что еще успею вынести его в контейнер.

Накинув куртку, как был, в домашних тапочках, кинулся к лифту. В кабине включил третью-эвакуационную и через минуту был на первом этаже. Легкое подташнивание после подобного спуска резко исчезло, когда, открыв подъездную дверь, я столкнулся с незнакомым мужчиной, улыбавшимся мне во весь рот.

— Добрый вечер!

Произнес он это не просто вежливо, но и как-то радостно. Словно, я бы даже сказал, старинному другу. Словно мы не виделись лет десять и тут, раз, и встретились.

— Добрый вечер! — ответил я.

Он протянул мне раскрытую ладонь. Пожимая его руку, я все же решил уточнить:

— Вы кто?..

— Я — друг, — ответил он, не переставая улыбаться.

— Очень приятно! Спасибо, что пришли! Я вот только мусор... — кивнул я на ведро.

Он неопределенно развел руками и вежливо поклонился. Я направился к мусорному контейнеру, «друг» последовал за мной. Только теперь я заметил, что он не совсем трезв. Его походка была комична. Он двигался словно в ритме танго. При этом ноги двигались не параллельно, а как-то в стороны, с выдвинутыми наружу носками. Да и одет он был не менее комично — старые коротковатые треники на длинных, костлявых ногах, стоптанные летние сандалии, сквозь которые просвечивали зеленые, дырявые носки. Сверху была довольно теплая, скорее, зимняя куртка нараспашку, под которой моталась майка неопределенного цвета. На лице играла счастливая, без переднего зуба, улыбка. Всклоченные волосы и недельная небритость на впалых щеках.

Я решил ничему не удивляться. Выбросил мешок, отряхнул руки и, обернувшись, улыбнулся. Но с удивлением обнаружил, что «друг», не дождавшись меня, удаляется, еще немного, скроется из виду.

— Эй! — крикнул я. — Друг!

Либо он не услышал, либо был упрям, так как не обернулся. Во мне взыграли разные чувства. И больше всего стало жаль пяти процентов годовых. Я, как был, в домашних тапочках, с мусорным ведром в руке, помчался догонять его. Едва отыскал затерявшегося среди прохожих, шагавшего в ритме танго пьяного «друга». Он направлялся в бар на углу, под названием «Дай пять».

За барной стойкой я занял место рядом с ним и стыдливо задвинул ведро за столешницу. «Друг», продолжая улыбаться, но уже не мне, а бармену, заказал водки. Потом, посмотрев на меня, заказал вторую рюмку.

«Хорошо, — подумал я, — пойдём по такому сценарию».

— Ну, как жизнь молодая? — спросил он меня и подтолкнул жестом, предлагая выпить.

И я выпил. Сразу, одним махом. Пару минут восстанавливал дыхание, анализируя новые ощущения, происходящие в моей голове. Несмотря на то, что в голове стало легче, что-то дернуло меня произнести:

— Хреново!

— Никогда не понимал, как жизнь может быть хреновой.

— Разве тебе никогда не было хреново?

— С моим именем человеку не может быть хреново.

— И как тебя зовут?

— Рио.

Он глядел на меня влажными, любящими глазами и ждал реакцию, но я ничего не ответил. Тогда он сказал:

— Понимаешь, для того, чтобы жизнь не была хреновой, надо хоть кого-то любить. Кого ты любишь? Где тот, кого ты любишь?

Осознав его вопрос, я готов был тут же разрыдаться. Он хватанул меня по самому больному. По всей моей пустой, никчемной жизни. Кого я люблю? Есть хоть одно существо на земле, к которому бы тянулось мое сердце? Мне захотелось крикнуть самому себе — нет у меня никого. Мне некого любить! Но в этот момент рука сама собой потянулась к внутреннему карману куртки, где всегда, неизменно, «жил» Михасик — мой несурзанный, потрепанный временем, но такой близкий и родной. Я сунул руку в карман и похолодел. Карман был пуст. В голову закралась очень нехорошая догадка. Перед внутренним взором ясно видел кухонный стол, с которого смел все содержимое в мусорный мешок. В суете, под руку попал и Михасик. Неужели я выбросил его, вместе с мусором?! Моего Михасика! Моего единственного друга!

Я вскочил и, ничего не объясняя, выбежал из бара.

— Ты куда, друг? — донеслось до меня, но я уже мчался, едва не теряя тапки, в свой двор, к контейнеру с мусором.

Контейнер был пуст! Пуст, как моя голова в эту минуту. Я стоял ошеломленный, в прострации, и даже не пытался что-либо предпринять.

— Эй! — услышал я за спиной. — Ты ведро забыл.

Я медленно обернулся и обреченно посмотрел на подошедшего «друга». Он протягивал мне мое чертовое мусорное ведро. Будь оно неладно! Зачем мне понадобилось выбрасывать мусор именно сегодня?

— Это все из-за тебя! — выпалил я в горячке.

У «друга» даже не изменилось выражение лица. Он по-прежнему смотрел на меня влажными, любящими глазами. И в этот миг мне хотелось его убить. И за его взгляд, и за то, что именно из-за него я безвозвратно потерял своего Михасика.

— Зачем ты вообще пришел! Кто тебя просил! — продолжал я выкрикивать совершенно бессмысленные обвинения, словно обиженный мальчонка, у которого сломали его любимую игрушку.

Рио, видимо, не сразу понял, что я на него ору, совершенно забыв, что он всего лишь сотрудник фирмы, играющий определенную роль. Он производил впечатление оторванного от реальной жизни человека, живущего в выдуманных мирах. Он улыбался, а я кричал. Постепенно до него стало что-то доходить. Улыбка медленно потускнела, лишь взгляд пьяненьких, влажных глаз продолжал светиться теплом. Я не мог понять, играл он в этот момент роль или был искренен.

Он медленно опустил ведро у моих ног и, вздохнув, пошел прочь. И эта его походка с вывернутыми наружу носками, в драных сандалиях, и куртка, висевшая комичным шаром над худыми ногами в трениках, весь его несуразный, пьяненький вид, обрушились на меня в немом онемении. Мне сделалось его жаль. Стало стыдно за свое поведение.

— Эй!.. Рио, постой!

Я побежал за ним, забыв о ведре. Догнал, и мы пошли вместе, среди спешащих прохожих, старающихся не глядеть на двух пьяных субъектов, отличающихся своим видом от нормальной, социально-благополучной публики.

Постепенно я все ему рассказал. Всю свою жизнь, взлет и падение, от которого, увы, уже не могу оправиться. Поначалу он слушал почти отстраненно, не то чтобы из-за обиды, по-моему такие люди не способны обижаться, а просто потому, что ему было это не интересно. Бизнес, друзья, жена... Но, когда я рассказал про Михасика, он резко остановился и внимательно взгляделся в мои глаза. Что он там хотел увидеть? Не сошел ли я с ума? А может, пытался определить, не вру ли я? Потому что ему важна была сейчас именно моя правда. Правда о моей несуразной дружбе... с самим собой. И, кажется, он увидел именно то, что хотел увидеть.

— Идем! — решительно произнес он, и мы пошли на автобусную остановку.

Автобус доехал до конечной остановки, и мы вышли. Вдоль город заканчивался. Дальше простирались холмистые поля городской свалки. В наступающих сумерках живописно курились дымки, и если бы не запах слежавшихся отходов, их можно было принять за дым печных труб. Странно было видеть подобный пейзаж на фоне сливающихся с небом и сияющих огнями башен мегаполиса. Время здесь остановилось. Современные технологии, как ни странно, не коснулись такой важной отрасли, как переработка мусора. В чем-то человечество достигло немислимых высот, но здесь все оставалось по-прежнему. Сновали мусорные машины среди прессованных стен из отходов человеческой деятельности.

Я уже понял, зачем Рио привез меня сюда. Но, окинув взором бескрайние просторы, я впал в отчаяние. Разве можно здесь разыскать Михасика!

Рио повел меня сквозь узкие коридоры, стены которых были возведены из тюков мусора. Они возвышались над нами, словно стены древнего города. Коридоры раз-

дваивались, сходились на перекрестках, заканчивались тупиками. Но Рио уверенно вел меня сквозь этот странный, с тяжелым духом, лабиринт в известном только ему направлении.

Вскоре мы вышли к гаражу со светящимся окошком. Окончательно стемнело. Рио постучал в железную дверь и отворил ее. Сразу у входа, за прозрачным стеклом, располагалась конторка с пультом связи. В глубине виднелся диван и стол. Все стены были сплошь заставлены книжными полками. Книг было так много, что они лежали и на полу, и рядом с диваном, и на узеньком подоконнике у окошка. И это походило скорее на библиотеку, нежели на контору фирмы по утилизации мусора.

У дальней стены виднелся раскрытый двухстворчатый шкаф с подсветкой изнутри. Присмотревшись, я понял, что это встроенная кухня. На узенькой плите что-то булькало в маленькой кастрюльке. Закипевший чайник, издав мелодичный звук, щелкнул и затих. На полочках располагались банки с кофе, чаем и консервы. Похоже, в этом гараже можно и жить и работать. Да еще и собственная библиотека под рукой. Хотя кто сейчас читает?..

За нами скрипнула дверь. На пороге я увидел девушку. Небольшого роста, в сереньком платье в мелкий, белый цветочек. На голове голубая косынка, сдерживающая темную копну волос. Ее лицо озаряла открытая улыбка, которая тут же сникла, как только она заметила меня. У нее было что-то в руке, но она быстро спрятала это за спину. В первое мгновение я готов был поклясться, что это мой Михасик. Я мог бы узнать его несуразный силуэт даже в сумерках. Но этого не могло же быть...

Девушка явно испугалась меня. Рио подошел к ней и взял за плечи:

— Не бойся, Соня, это мой друг. Он потерял одну очень важную для него вещь. Нужно помочь.

Соня перестала бояться, но упорно смотрела в пол и вообще вела себя несколько скованно. И, проходя мимо, как-то вся сжималась, стараясь стать незаметной.

Она подошла к кухоньке, достала с полки чашки и налила нам чай, даже не поинтересовавшись, хотим ли мы.

— Сейчас уже темно. Начнем поиски на рассвете, — сказал Рио, приглашая жестом присесть на диван.

Подав нам чашки с чаем, Соня скрылась за кухонной стойкой, видимо, там был маленький стульчик. Не будет же она сидеть на полу, — подумал я.

Я тоже почувствовал себя неловко. Пил большими глотками обжигающе-горячий чай — после вина и водки, мучила жажда — и разглядывал полки с книгами.

— А это?.. — указал я головой на книги.

— Соня собирает. Книг много выбрасывают. У меня, в гараже, тоже все заставлено.

— В гараже?

— Да. Я живу там, неподалеку. А так, Соне помогаю.

— Ты здесь работаешь?

— И здесь, тоже.

— А, ну да...

Я неопределенно хмыкнул. Может, в той фирме «Дружба за деньги» не так много платят? Хотя с меня взяли серьезную сумму. Расплачиваться год, да еще с процентами.

Наконец, я стал задумываться над всем, что сегодня со мной приключилось. Дурман в голове рассеялся, и я вдруг осознал всю несуразность ситуации. За этот день, я успел совершить много глупостей. Пустился в какую-то идиотскую авантюру. Там, в этой фирме, видимо, еще те креативщики, раз прислали такого странного типа. По сути, он же обыкновенный пьянчуга. Выглядит, как бродяга, да еще и живет в гараже. А если бы не пропажа Михасика, как бы он стал «дружить» со мной? Как бы выполнял условия, обещанные фирмой? Вел бы психологические беседы за барной стойкой? Так, что ли? Боже, в какую нелепицу я впутался! Сажу в самом центре

свалки и пью чай со странными людьми. Рио вечно улыбается сам себе, а эта Соня... тушует, словно, у нее аутизм в самой глубокой форме.

— Ты не переживай. Мы отыщем его,— ободряюще кивнул Рио, видя как я сник.

И Михасик... Надо же было такому случиться! Я не мог себя простить. Все мог забыть или потерять, но он всегда был рядом, во всех жизненных перипетиях. Он — некая ниточка к самому себе, со своим я, которое многие теряют, замещают тем, что насильно впахивает в нас цивилизация — эта ненасытная машина, породившая сама себя и пожирающая себя же. В этой мясорубке только Михасик и спасал. Глазки-пуговицы. Стоит взглянуть и, вот он — я, и мир передо мной очищается. А сейчас лежит он где-то, вмурованный в стены мусора, сложенный в три погибели среди отходов, среди блевотины цивилизации и ждет часа, когда она его выплюнет. Освободится еще от одной крошечной помехи, чтобы заместить это место своей пустотой.

— Как ты себе представляешь поиски? Это же иголка в стоге сена?

Меня раздражало какое-то отстраненное спокойствие Рио. И эта Соня, прячущаяся за стойкой...

— Да найдем,— просто ответил мой «друг».— Тут все по системе. Новый привоз находится в нулевом секторе. Сортировку начинают в шесть утра. А мы в четыре подойдем.

— Зачем ей столько книг? — спросил я, оглядывая полки.

— Ей их жалко. Сейчас все от книг избавляются. А Соне кажется, что они живые. Я ей отовсюду их таскаю.

— И что, она все это читает?

— Конечно! Соня говорит, что если книгу не читать, та умереть может.

От этих слов у меня внутри что-то задрожало. Я почувствовал в нас какое-то странное родство. Она книги оживляет, я — Михасика. Но я тут же осадил себя. Может, я и не такой, как все, но не до такой же степени!

— А она, что, так и будет там сидеть?

Рио подошел к стойке, перегнулся и что-то долго и тихо говорил Соне. За окном совсем стемнело. Скорее бы рассвет. Мне не терпелось найти Михасика, исчезнуть отсюда и, вообще, исчезнуть из всей этой странной истории.

Мы переночевали в гараже Рио. Там было тепло из-за книг, которые штабелями выстроились вдоль стен. Было еще совсем темно, когда Рио разбудил меня, и мы направились в нулевой сектор. Располагался он в самом начале свалки, и нам вновь пришлось идти сквозь затхлые коридоры мусора.

Открытая площадка нулевой зоны состояла из трех секторов. На красном покрытии громоздилась гора черных мешков, на синем — гора белых, а на желтом — гора зеленых. Мусор сортировали сами жильцы. Я помнил, что скинул весь мусор в черный мешок, совершенно не озабитившись таким «благородным» занятием цивилизованного человека как сортировка.

Подойдя к красной зоне и задрав голову вверх, я с грустью оценил объем предстоящей работы. Пока я стоял, не зная с чего начать, Рио успел раздобыть два железных багра.

— Мусор ближе к вечеру забирали. Наверху он,— сказал Рио и принялся карабкаться наверх.

Я последовал за ним. В черных мешках находилось все то, что не являлось ни стеклом, ни пластиком. В основном, это были остатки еды, поэтому здесь невероятно смердело. Я наткнулся на обглоданные куриные кости, куски хлеба, лимонные корки вперемешку с кофейной гущей и яичной скорлупой. Упаковки от лекарств, клочки желтой и розовой самоклеющейся бумаги, которую, обычно, лепят на холодильник, с надписями, вроде — не забыть оплатить счета.

Меня мучило от запаха, от того, что нормально не ел со вчерашнего дня, от выпитого вчера же. Мучило от недосыпа, от мысли, что не смогу разыскать Михасика,

от идиотизма всей ситуации, и от самого себя — несуразного идиота, не способного на нормальную жизнь, среднестатистического гражданина, исправно оплачивающего счета и не нарушающего законы.

Я откидывал проверенные мешки один за другим, и яростно втыкал багор в очередное надутое черное тело. И нашел! Это был мой мусор. Сейчас он мне казался таким родным и близким! Кофейная чашка, которую нечаянно задел локтем накануне, слабо мерцала во тьме. Я любил пить из нее кофе. И когда выбрасывал расколотую напополам, жалел, как самого себя. Словно не чашку выбрасывал, а нечто большее — воспоминание уюта, которого у меня так давно уже не было.

Я на секунду даже забыл о Михасике. Держал черепок чашки за ручку и жалел себя. Перебирал в уме картины своей никчемной жизни и ком к горлу подкатывал. И никого-то у меня в этом мире, кроме Михасика...

Я запустил руки в мешок, принялся в нем копать, выбрасывать. Но Михасика не было. В пакете зияла дыра.

Рио заметил мое возбуждение и перебрался поближе.

— Кто принимает мусор? — спросил я, уже заведомо зная ответ.

— Соня. Она вообще-то не обязана сюда приходить.

— Так зачем же она?..

— В прессованном мусоре книги уже не спасти.

Я со злостью отбросил багор в сторону и, сбегая по мешкам, едва не скатился вниз. Теперь я точно был уверен, что вчера, когда впервые увидел Соню, в ее руке был Михасик. Как такое могло произойти?! Почему она, роясь в мусоре в поисках своей чертовой, бесполезной макулатуры нашла Михасика и взяла его себе? Вернее, не взяла, а забрала. Нет, даже не «забрала», а нагло украла.

Все эти мысли пронеслись у меня в голове, пока я плутал лабиринтами коридоров, отыскивая ангар. Рио смиренно шагал следом. Я чувствовал, что он как-то притих. Он и раньше не особо разговорчив был, но сейчас вел себя странно. Словно был пойман на краже.

Я резко остановился, повернулся к нему.

— А ты ведь еще вчера знал, что Михасик у нее! Ведь знал?

— Прости, я пытался ей объяснить... Но она, не такая, понимаешь?..

— Какая — не такая? Именно, такая! Она украла! Она воровка! — я совсем разошелся.

— Нет, ты не понял.

Рио как-то даже ниже ростом стал. Смотрел на меня с испугом, едва не заискивая. Взял меня за плечи, а у самого в глазах и мольба, и чуть ли не слезы.

— Ей нельзя, понимаешь, нельзя нервничать. Она боится тебя. Она всех боится!

Но я уже не слушал. Я с силой распахнул железную дверь ангара, ворвался внутрь. Мне и искать-то не пришлось. Соня сидела на диване. В одной руке раскрытая книга, в другой — Михасик. Первое мгновение мне показалось, что это не она читает, а он. В такой комичной позе он сидел, склонившись над книгой, что будь я немного спокойнее, рассмеялся бы. И, может быть, это спасло и Соню, и Рио...

Но я налетел, не дав ей осознать, что происходит. Вырвал из ее рук Михасика, сунул во внутренний карман куртки, гаркнул на нее, оттолкнул подоспевшего Рио и выбежал из ангара.

2

В моем детстве часы тикали. Тик-так, тик-так... Вечереет. За окном снег и фонари, один за другим постепенно разгораются, придавая синему снегу оранжевую теплоту. Тик-так, тик-так... Я забирался на кресло с ногами, смотрел в окно, ждал родителей с работы. Тик-так, тик-так... С часами я был не один. Михасика тогда еще не было. Но были мама, папа, бабушка, дядя, тетя и дни рождения, и Новые годы...

Тик-так, тик... Так хотелось сейчас услышать этот умиротворяющий звук. Но в современных жилищах стерильная тишина. Я сижу на стуле, Михасик на тумбочке. Мы глядим в глаза друг другу. Михасик — глазки-пуговики. Если бы вы могли видеть этот пронзительный взгляд, вы бы поняли меня! Вы?.. Кто эти — вы, я не знал. К кому я обращался сейчас?

Я пытался говорить с Михасиком, но он упорно молчал. Впервые в жизни он не хотел говорить со мной.

— Почему ты молчишь? Обиделся? Ага! Я понял, это из-за нее. Она уже успела перетянуть тебя на свою сторону. Нечего сказать, хорош друг! Быстро ты переметнулся.

Мне нужно было на работу. У меня еще была надежда, что вечером Михасик простит меня. Но и вечером, и на следующий день, и все последующие дни он упрямо молчал. И мне стало невыносимо. Я не знал, куда деть себя. Нет, не себя, а того, кто внутри меня уже выль во всю глотку от одиночества. Выл так громко, что ни одно ухо не способно было уловить этот звук.

Раньше городские фонари светили оранжевым. Оттого и зима, наверное, казалась теплее. Сейчас над прохожими планируют светящиеся ленты. Холодный, синий свет жалит глаза, поэтому на улице я никогда не смотрю вверх. И на встречные машины тоже. Их фары в любое время дня и ночи, в любую погоду прорезают пространство режущими лучами. И человеку среди всех этих нематериальных лучей все меньше и меньше места.

Я брел по промозглой улице, глядя под ноги, пытаюсь отогнать мрачные мысли. Внутри меня находились двое, а может, и трое. Каждый пытался занять доминирующее положение, убеждая в своей реальности. Один утверждал, что я болен, что с каждым днем теряю связь с реальностью. И это чревато печальным последствием. Другой твердил, чтобы я не слушал первого, что моя внутренняя жизнь гораздо реальнее. Моя дружба с Михасиком и есть нормальность. А вот то, в чем мне приходится жить, вернее, выживать, это, как раз, и есть — бред сумасшедшего. Третий сидел во внутреннем кармане куртки и продолжал упрямо молчать. Но я-то чувствовал, чего он хочет. Уж Михасика я знал, как самого себя. А он все эти дни не переставал думать о Соне.

Несмотря на то, что я не смотрел, куда иду, ноги сами привели к остановке. Я сел в автобус и поехал на окраину города к свалке. Было уже совсем темно, когда я подошел к светящемуся окошку ангара и решительно постучал. Мне открыл незнакомый мужчина с кружкой чая в одной руке и бутербродом в другой. На его лице отразилось раздражение, когда же он лучше рассмотрел меня, оно сменилось удивлением.

— Простите, я ишу девушку, которая здесь работает.

— Еще один! Вам всем, явно, делать нечего, бездельники! Пошел прочь! Один стекло выбил, теперь другой на ночь глядя. Я и тебе психушку вызову!

Он с силой закрыл железную дверь. Я пару минут стоял оглушенный. То ли грохотом, то ли его неожиданным натиском. Пытался переварить информацию. Одно я понял точно — второй раз стучать в эту дверь не следует.

Я потоптался немного на месте, потом, осторожно приподнявшись на цыпочках, заглянул в окно. Первое, что бросилось в глаза, — полное отсутствие книг. Холодок прошел по спине. В моем сознании Соня и книги сплывались в единый образ. А теперь книг не было, а значит, и Сони.

Я вспомнил последнюю фразу охранника:

— Я и тебе вызову психушку.

Это «и тебе» говорило только об одном — психушку он уже вызывал. И чувствовало мое сердце, что не для Рио. Того, скорее, полиция забрала, за выбитое стекло, а почему он выбил стекло? Из-за Сони, которую забрали в психушку. Все эти выводы я делал уже на бегу к остановке. Я еще не до конца осознавал, что намерен делать, но одно знал точно. Я должен разыскать Соню.

На следующее утро я направился по найденным в поисковике адресам. Заведений для душевнобольных в нашем городе было три. Все находились на окраинах города. И этот факт несколько сближал их с городской свалкой.

За городом лежал снег. Его было не так много, и он норовил растаять к обеду. Бледное солнце несмело коснулось серых холмиков и все ожило. Это был настоящий, белый снег. И я невольно улыбнулся. Как давно я не видел снега! Шагая по дорожке парка, я намеренно выскивал нехоженный, ровный участок. В детстве я оставлял отпечатки ботинка, останавливался и долго разглядывал четкие углубления с бороздками от подошвы. Мне захотелось показать снег Михасику. Но он упрямылся, не желая радоваться вместе со мной. Я прямо-таки чувствовал его беспокойство о Соне и даже — любовь.

«Странный ты, Михасик! Впрочем, и она... Вот, в психушку уекли. Значит, есть за что». Так я думал. Вернее, так я заставлял себя думать. Потому что это правильно. Именно так должны рассуждать нормальные люди. А сейчас я должен быть нормальным. По крайней мере, выглядеть, как все. А для этого и мысли должны быть, как у всех. Иначе меня не пустят к ней.

Мне невероятно повезло. Соня была здесь. Доктор, принявший меня, принялся зачитывать историю ее болезни.

— Пять дней назад поступила пациентка — Соня Адамова. Абиулия, десоциализация, утрата социальных связей. Эмоциональная индифферентность. Полное отсутствие инициативы. Возможно, связано с передозировкой антипсихотических препаратов. Девушка наблюдается с малых лет. Еще в дошкольном возрасте «общалась» с так называемыми «невидимками». Несмотря на это, школу закончила с отличием. Обладает феноменальной памятью. Но о поступлении в высшие учебные заведения состоящих на учете в психдиспансере речи быть не может.

Он снял очки. Устало вздохнул, протер глаза и произнес:

— Поэтому и работала диспетчером на одной из городских свалок. Так что, сами понимаете... А вы ей кто будете? Друг? Одного друга мы уже в полицию отправили. Устроил тут, видите ли, справедливый бунт. Требовал отпустить. Еще немного, перегнул бы палку, самого бы посадили на нейролептики. Но держать нам ее тут резона нет. Замкнутость и апатия у нее здесь не пройдут. Наоборот, усугубятся. У нее только два пути отсюда — интернат для неизлечимых, либо оформление опеки родственниками.

Доктор долго смотрел на меня, явно ожидая какой-то реакции. Но я молчал. Я все еще пытался уложить в голове историю Сони. Себя понять. Что я в этой истории? Кто я? Зачем мне все это?

— Но родственников у нее нет. Ее с детства растили бабушка с дедушкой. Мать покончила с собой, когда Соне едва четыре года исполнилось. Видите ли, я очень хорошо знаю Соню. Ко мне ее и привели в детстве. Бабушка рассказала, что мама Сони, прежде чем вскрыть себе вены, положила в кровать дочки игрушечного медведя. Вот Соня с ним и общалась, несколько дней, пока соседи полиции не вызвали. Родители мамы Соню к себе забрали, а медведя выбросили. Очень уж их пугала привязанность ребенка к игрушке. Тем самым они и совершили роковую ошибку в судьбе девочки. Если бы не выбросили, может, мне и удалось бы ее «вытянуть», но она с тех пор «поселила» его у себя внутри. Я не всегда ее доктором был. Ее и другие лечили. Так уж!.. А теперь, вот что я вам скажу. Раз уж пришли, давайте-ка свой номер. У меня есть все полномочия оформить на вас опеку. Ей еще жить и жить. А здесь ее залечат. Вот так, я вам и скажу...

Так мы оказались с Соней вместе. Я хожу на работу, а она с Михасиком дома. Молчит все время. Смотрит в одну точку, но Михасика из рук не выпускает. А я, в общем-то, не против. Потому что, Михасик, хоть и продолжает играть со мной в молчанку, но зато слушать стал.

Вернувшись с работы, я готовлю нехитрый ужин. А потом мы сидим втроем на диване. Соня, в ее руке крепко зажат Михасик, и я рядом. Вспоминаю что-то из детства. Михасик слушает, да и Соня иногда повернет голову и долго-долго на меня смотрит. И иногда в ее взгляде промелькивают искорки жизни. Еще немного и вернется... Мне хочется, чтобы она вернулась. Не обязательно в этот мир, но хотя бы в мой, в наш с Михасиком.

Как-то после ужина я собрался выбросить мусор. Открыв дверь подъезда, едва не столкнулся с Рио. Он по-прежнему был одет в свою несуразную куртку, треники и сандалии. И все та же улыбка играла на его лице.

— Рио!

До чего же я был ему рад!

— Там доктор сказал, что Соня у тебя. Я ее книги принес.

Я увидел в его руках длинные перевязи с книгами. Так их носили, наверное, только в начале двадцатого столетия.

— Это те самые?

— Да. Здесь не все. Их после того, как Соню забрали, а меня в полицию увезли, все выкинули. Потом меня отпустили. А когда я к Соне в клинику приехал, они меня снова забрали и уже долго не отпускали. А Соню за это время выписали. Вот я и потерял ее. Не говорят, где, и все... Пока я доктора того не встретил. Он-то мне и сказал, что Соня у тебя. А книги я все собрал, подчистую. В одном надежном месте спрятал. Как она?

— Молчит.

Мы направились к мусорке.

— А ведь это я во всем виноват,— сказал я.

— В чем? — Рио, явно, не понимал меня.

— В том, что Соня сейчас в таком состоянии. Наорал на нее, Михасика забрал... Ведь ты предупреждал меня. Вот и осталась она без работы. Да и ты... Где сейчас живешь?

— Отличное место! Давай Соню туда отвезем. Ей понравится.

Рио оживился, вдохновленный своей идеей. Мы договорились устроить для нее сюрприз на выходных. Рио объяснил, на какой автобус садиться и куда ехать. А на остановке он нас встретит.

Настала суббота. Я одел Соню и сказал, что мы едем на прогулку. Соня взяла Михасика, вернее, — взялась за него. Так это выглядело на самом деле. Хоть он и был с мою ладонь, и держала она его в своей руке, но выглядело так, словно это он держал ее. И он был большой и сильный, а она маленькая и беззащитная.

Мы снова ехали на окраину, за город. И мне подумалось, что все самое важное в моей жизни происходит вдали от цивилизации. Цивилизация, постепенно, выдавливает меня из себя. Я — не прижившийся, чужеродный орган. Но больше меня это нет печалило. И даже хотелось ускорить этот процесс.

На конечной нас встретил Рио. Соня прижалась к нему, и я понял, что расставаться им уже нельзя.

Здесь начинался пролесок, сквозь который шла грунтовая дорога. Вдали, на горизонте, темнел лес.

— Часа за два доберемся,— улыбаясь, сказал Рио.

Какое-то время мы шли по дороге, потом, спустившись с обочины, углубились в лес, в мерцание снега, в его зимние звуки. Соня поначалу не отпускала локоть Рио, но в лесу пошла самостоятельно. Шаг ее стал увереннее. Чем дальше от дороги, чем глубже в лес, тем быстрее она шла. Почти уже бежала впереди, задевая руками ветки, сбивая с них снег, касаясь пальцами красных гроздьев рябины. Неожиданно, споткнувшись, упала. Я подбежал, чтобы помочь, и услышал, как она слабо смеется. Лежа на спине, смотрит на верхушки огромных елей и тяжело, но счастливо дышит.

И в этот момент мне показалось, что Михасик, выглядывавший из-за пазухи ее куртки, подмигнул мне. Подоспел Рио, подал руку Соне, и они снова пошли вместе. Я увидел сквозь его драные сандалии промокшие зеленые носки...

Мы все шли и шли. А лес становился все глуше, темнее. Быстро смеркалось. Я начал побаиваться, как бы нам не остаться в темноте. Здесь не было ни осветительных лент, ни облачной рекламы, бьющей своей яркостью по глазам. Снег посинел, тени почернели. И, наконец, Рио произнес:

— Пришли!

Присмотревшись, я увидел среди деревьев неясные очертания двухэтажного дома. Мы вошли.

Дом был старый, заброшенный, с бьющими на ветру ставнями. Разбитыми стеклами и мусором, свободно гуляющим по пустынным комнатам. И лишь на втором этаже казалось теплее. Там Рио зажег старинную масляную лампу и принялся растапливать камин. Мы с Соней, осторожно поднявшись по ветхой лестнице, вошли в большую, освещенную комнату. Все стены, сверху до низу, были заставлены стеллажами с книгами. Сониными книгами.

Потом мы сидели рядом с камином за низеньким столиком и с аппетитом наслаждались угощением, приготовленным Рио, устроившим целый пир.

— Откуда все это? Колбасы, сыр, фрукты?..

В отблесках огня искрилось вино в старинных хрустальных фужерах.

— Фужеры нашел здесь, в шкафу, а еда... Место есть одно, специальное. Там все это бесплатно. Главное, прийти туда в день привоза. Тогда срок годности еще три дня. Только вот, вина хорошего там нет. Вино, оно же не портится. Поэтому...

Рио потянулся и достал с полочки у камина картонную коробку с вином, точно такую же, что когда-то купил я — с восточной красавицей и гроздью винограда на фоне голубых гор. И я вдруг вспомнил то, что уже давно вылетело из головы — «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ!» Я рассказал об этом Рио, и мы долго смеялись.

— Никогда не понимал, как можно брать деньги за то, что земля всегда давала бесплатно, — вода, воздух, а тут теперь и дружба, — сказал Рио и разлил оставшееся вино по бокалам.

Опустевшая коробка издала тревожный предупреждающий звук. Информационная пленка загудела и осветилась ярко-красным. Так обычно появляется важная, официальная информация от службы безопасности. Я взял коробку из рук Рио и принялся читать текст, появившийся на смарт-пленке:

ВНИМАНИЕ! ДАННАЯ РЕКЛАМА НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНА.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНАЯ ГРУППА «ДРУЖБА ЗА ДЕНЬГИ» ВЗЯТА ПОД КОНТРОЛЬ. БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ!

Внутри меня что-то заклокотало и прорвалось наружу безудержным смехом. Рио и Соня смотрели какое-то время молча, а потом и сами начали хохотать. Мы держались за животы, сгибались пополам, стучали друг друга по спинам, кашляли, вытирали слезы, пытались произнести хоть что-то друг другу сквозь смех. И от этого смеялись еще сильнее.

— Пять процентов годовых! Ха-ха-ха!.. Умереть можно!..

— Дружба за деньги! — повторял Рио.

— Ты дурак! — произнесла Соня, глядя на меня. — Ты такой же дурак, как и мы.

Соня вытащила из кармана Михасика. Она откашлялась, отдышалась от смеха, и голос Михасика зазвучал тоненько, хрипло:

— Вы что, дурачки, что ли, совсем?

Я впервые в жизни услышал его настоящий голосок. Не внутри себя, а здесь, в теплой, уютной комнате, среди смеха друзей, в доме, который отныне станет нашим...

Борис Григорьев
(г. Москва)

РАБЫ С ВОСТОКА **Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)**

Родился 8.02.1942 г. в с. Порой Рязанской (Липецкой) обл. После окончания средней школы поступил на переводческий ф-т ИМГПИИЯ им. М. Тореза. В 1965—1996 гг. сотрудник нелегальной разведки ПГУ КГБ (потом СВР РФ), работал в Дании, Швеции и на Шпицбергене. Сейчас полковник СВР в отставке. Владеет немецким, английским и скандинавскими языками, имеет более 30 публикаций в российских и шведских издательствах.

Моему отцу и его товарищам по немецкому плену в Норвегии посвящается.

В апреле 1946 года ко мне, рязанскому мальчишке, неожиданно приехал отец, считавшийся всю войну пропавшим без вести. Во двор нашего дома вошел высокий, сутулый и коротко стриженный мужчина в гражданской одежде и поднял меня на руках высоко над собой. Такое обращение мне вовсе не понравилось, и я стал вырываться из его рук. Больше всего не понравилась его щетинистая щека.

Кто и что такое отец, я не имел ни малейшего представления. Я воспринял его тогда как обычного дядю с улицы. Помнится, он взял меня за руку и повел на речку, вышедшую из берегов в половодье, и мы каким-то чудом перебрались на противоположный берег по хлипкому деревянному мосту, разбитому льдинами. Потом помню неприятное и невкусное угощение — американскую тушенку, которую я есть отказался.

Потом «дядя отец» уехал, и больше я его никогда не видел...

Позже мать рассказала, что он вернулся из немецкого плена в Норвегии. Рассказ подробностями не изобиловал. В мае 1941 года молодой лейтенант Григорьев Николай Иванович, выпускник Севастопольского военно-морского училища (береговой обороны, как было установлено позже) приехал в свое родное село и женился там на местной учительнице, моей матери. Получив назначение на службу в только что занятую советскими войсками Эстонию, он выправил на жену необходимые документы и убыл к месту службы в Таллин. Мать стала увольняться с работы и собираться в дорогу, но выехать к мужу не успела: началась война.

Позже через интернет было установлено, что он 1918 г.р., член ВРКПБ с 1940 года, выпускник Севастопольского Военно-морского училища береговой обороны, весной 1941 года в звании лейтенанта проходил по списку военнослужащих береговой обороны Балтийского района Краснознаменного Балтийского флота в качестве командира огневого взвода 508-й *отдельной* зенитной батареи СУС БОБР* на острове

* Северный укрепленный сектор береговой обороны Балтийского района. Командир БОБР был генерал-майор (с 1942 года — генерал-лейтенант) А. Б. Елисеев, 1887 г.р., участник первой мировой войны, царский офицер, перешедший на службу в Красную армию.

Даге. Оборона острова длилась с 12 по 21 октября, следовательно, отец был захвачен в плен немцами либо в оборонительных боях за остров, либо во время неудачной эвакуации с Даге на Ханко.

Оборона Даге (Хийумаа), оформленная в т.н. СУС, обеспечивалась 4900 бойцами и офицерами, как и других островов Моонзундского архипелага, несмотря на наличие солидных боевых сил (численность БОБР на момент боев составляла около 18000 человек), была организована слабо и недостаточно профессионально. Впрочем, как явствует из книги С. Булдыгина*, гарнизон Даге оборонялся героически, но был обречен на разгром превосходящими силами гитлеровцев. Запланированную эвакуацию гарнизона провести не удалось. В ходе боев на мотоботах, по данным Булдыгина, удалось перебросить на Ханко лишь около 570 бойцов, включая раненых. В последний день обороны с Даге сняли еще 60 человек комсостава (включая штаб и прокуратуру) и 450 бойцов. Одна шхуна со 150 бойцами пропала без вести и, скорее всего, была захвачена немцами. 21 октября на Ханко продолжали прибывать мелкие катера и лодки с оставшимися в живых бойцами. Отдельные группы оборонявшихся добирались до Швеции, где и были интернированы местными властями.

Всего в плену оказалось около 3388 человек гарнизона острова. Уставшие бойцы, оставшиеся без командования, провели комсомольское собрание и приняли решение обороняться до последнего.

Послевоенная история отца складывалась как у многих пленных: фильтрационные, а потом рабочие лагеря в «местах удаленных», последующее освобождение, но не реабилитация, поражение в правах...

Мой норвежский друг журналист Бьерн Братбак по моей просьбе сделал запрос в Государственный архив Норвегии и скоро получил оттуда следующий ответ:

Наша ссылка: 00/1815 А.554.1 УА/ТАГ Дата: 13.3.2000 г.

ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАПРОСА О РУССКОМ ВОЕННОПЛЕННОМ

*В директорате беженцев и пленных Архива, в конторе по репатриации, в списках отправленных на родину пленных мы обнаружили Николая Ивановича Григорьева из Рязанской области. В списках он указан с датой рождения 19.10.1918 г**., но это пусть не смущает вас, потому что в самом начале могла вкратиться ошибка.*

Мы не можем точно сказать, где в Норвегии содержался этот пленный, но некоторые сведения указывают на лагерь в Скьелде (Шельде) или в лагере, получившем название Квесменес. Он был отправлен поездом из Нарвика между 25 и 29 июня 1945 года, но и по этому пункту информация не совсем достоверна. То, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что он был отправлен из транзитного лагеря № 3 в вагоне № 3 (см. приложение).

*С дружеским приветом: зам. директора Анне Хальс
архивариус Тур Антон Гордер.*

Приложение, 2 листа.

Первый лист приложения — список репатриантов из третьего транзитного лагеря, отправленных из Нарвика в третьем вагоне поезда. Список составлен на русском языке, написан простым карандашом и выполнен типичным русским почерком — очевидно, представителем репатриационной комиссии. Список разграфлен на пять столбцов: номера по порядку — фамилия, имя и отчество — год рождения — национальность — адрес/область.

Отец проходит в этом списке под четвертым номером:

* Булдыгин С. Б. Моонзунд 1941, М., Яуза-Эксмо, 2013 г.

** При запросе я давал Б.Братбаку дату рождения 19.11.1918 г.

4. Григорьев Николай Иванович — 19.10.1918 — русский — Рязанская обл. Трубетчинский р-н с. Порой.

Второй лист приложения — описание места нахождения архивных сведений: коробка — 16, портфель — Нарвик 30, идентификационный номер — 30374.

Б. Братбак собрал и любезно прислал мне дополнительный материал о положении в лагерях для русских военнопленных в Квесменесе. Там, на севере Норвегии, немцы строили оборонительную линию, призванную остановить наступление советских войск. В качестве строителей использовались советские военнопленные. Пленные, изнемогая от недоедания и непосильной работы, умирали там, как мухи. Были зарегистрированы случаи людоедства — обессиленные пленные употребляли в пищу останки умерших товарищей.

В нашей стране о военнопленных вообще и о тех, кто попал в концентрационные лагеря в Норвегии, вспоминать не любят. А вот в Норвегии о них помнят. Время от времени там появляются исторические исследования, еще недавно были живы кое-кто из очевидцев зверского отношения немцев к нашим военнопленным. Мы должны быть благодарны норвежцам за то, что, рискуя своим благополучием, а иногда и жизнью, они помогали нашим людям за колючей проволокой, как могли, подкармливали их, а некоторые отважные души укрывали бежавших на свободу и помогали им перебраться в Швецию.

*1. Ordnung muss sein!**

В Норвегии их звали «рабами с Востока».

Таких рабов в этой оккупированной вермахтом скандинавской стране в 1941—1945 гг. насчитывалось до 100 тысяч. Эта цифра приблизительная, как и все цифры, касающиеся советских военнопленных, и включает в себя также и гражданских лиц, завербованных или насильно вывезенных немцами с оккупированных ими территорий. По сравнению с общим количеством советских военнопленных, в основном *попавших*, а не *взятых* немцами в плен, это небольшая цифра — всего около 2 %**.

Для сравнения: за весь период военных действий 1940—1945 гг. в немецком плену сидели 235.473 американских и британских военнопленных, из которых домой не вернулись всего 8.348 человек. Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий (КРЖПР) оценивает количество умерших советских военнопленных от 1 230 000 до 2 000 000 человек.

Все эти цифры, конечно, приблизительные. Ни германские, ни советские власти не были особенно заинтересованы в том, чтобы сообщать миру точные сведения. В советской историографии тема военнопленных долгое время вообще была под запретом, а появившиеся в последнее время исследования на эту тему можно пересчитать по пальцам.

Процент смертности среди советских военнопленных объяснялся не только беспрецедентно жестоким отношением немцев к советским пленным. Немцы были про-

* Порядок должен быть! (перевод с немецкого).

** Всего за годы войны в немецких лагерях для военнопленных, по подсчетам западных историков, оказалось около 5.300.000 советских солдат и офицеров. По данным КРЖПР, закончившей свою работу по военнопленным в 1994 году, в 1941 году в плену у немцев оказались 2 миллиона советских военнослужащих, в 1942 году их число составило 1 миллион 339 тысяч, в 1943 году — около 500 тысяч, в 1944-м — более 200 тысяч, и в 1945-м — более 40 тысяч. Подсчеты современного российского историка В. Земскова выглядят еще более впечатляющими: по его данным, пленных было на 1 миллион больше, т.е. 6,3 миллиона, из которых к немцам попали 6,2 млн., к румынам — более 40 тысяч, а к финнам 64.200 советских военнослужащих. Итальянцы и венгры сдавали своих пленных немцам. В любом случае это непостижимые, убийственные цифры! Ни одному «бездарному» царскому генералу и в кошмарном сне не могло приниться нечто подобное. Для наших же военачальников и вождей, планировавших войну на чужой территории, это, к сожалению, оказалось печальной реальностью.

сто не в состоянии «переварить» всю эту человеческую массу и обеспечить такому огромному количеству людей более-менее сносное существование. Даже если на каждые 25 военнопленных вермахт выделил бы по 1 охраннику, то для охраны всех военнопленных немцам потребовалось бы 132 тысячи солдат или целых 13 дивизий. Такого вермахт позволить себе не мог даже в самые победоносные месяцы войны. Поэтому многие военнопленные умирали от голода и болезней уже в первые недели плена, потому что неделями находились в открытых солнцу, ветру, снегу и дождю загонах за колючей проволокой.

Еще до вступления в войну с Советским Союзом Берлин издал одну-единственную директиву по будущим военнопленным. В ней частям СС давался приказ выделять из общей массы комиссаров, коммунистов и евреев и расстреливать их на месте или, в крайнем случае, отправлять в специальные концентрационные лагеря, где их практически тоже всех уничтожали.

Конечно, сыграло свою роль и то, что немцы в отношении советских военнопленных не считали себя связанными положениями Женевской конвенции от 27.06.1929 года, поскольку советское правительство ее так и не ратифицировало. Но главной причиной ужасающего положения советских пленных явилась, однако, людоедская теория Гитлера о славянах как Untermenschen и его установка на беспощадное уничтожение коммунистов, офицеров, комиссаров и интеллигенции. Уже 6 июня 1941 года, за 16 дней до нападения на Советский Союз, расистская нечеловеческая теория фюрера была оформлена в приказ о комиссарах. Все это развязывало руки немецким офицерам и генералам и одновременно оправдывало их жестокость в собственных глазах.

Узник концентрационных лагерей в Норвегии И. Пашуков в опубликованной в Норвегии книге «Потерянные годы» рассказывает о первых днях немецкого плена. Пленных собирали в транзитный (накопительный) лагерь, расположенный в районе польского города Сувалки. По пути пленным не давали ни есть, ни пить, и когда на одном перекрестке двое измученных пленных припали к луже воды, смешанной пополам с конской мочой, их тут же застрелили охранники. Накопительный лагерь, куда они прибыли, был не самым крупным — в нем насчитывалось всего 25 тысяч пленных. Лагерем его можно было назвать весьма условно: пленные находились без еды и воды под открытым небом на участке, огороженном колючей проволокой. За короткое время, что Пашуков находился в лагере, 600 человек умерли от болезней, а 2000 человек немцы казнили. Расстрельных команд не создавали — застрелить пленного мог любой немецкий солдат или офицер.

Выжить в этом лагере могли только «орднеры» — полицаи из своих — и повара. Или переводчик. Еще оттянуть смерть можно было копанием могил для умерших товарищей. Так что жизнь советского военнопленного в первые дни войны не стоила и ломаного гроша. В некоторых накопительных лагерях смертность достигала 90 %. Немецкий исследователь Кристьян Герлах, изучавший материалы массовых убийств советских военнопленных на Восточном фронте в 1941—1944 гг., пишет о том, что вермахт рассматривал такую практику как логическое продолжение боевых действий.

Пленные на первых порах считались ненужным бременем. Позже, когда война приняла затяжной характер и когда немцы стали терпеть поражение, когда Германия исчерпала все людские ресурсы для мобилизации людей на фронт и была вынуждена замещать в тылу своих мобилизованных граждан военнопленными или насильно угнанными с оккупированных территорий гражданскими лицами, отношение к военнопленным слегка изменилось, но не на столько, чтобы говорить о гуманном к ним отношении. Немцы просто стали более бережно относиться к рабам, которых с течением войны поступало все меньше и меньше, а число грандиозных строек рейха только увеличивалось.

Использование военнопленных на работах в тылу — «изобретение» XX века.

Массовый труд пленных стал впервые применяться в ходе первой мировой войны Германией, Австро-Венгрией и Россией. Во второй же мировой это стало правилом. И немцы, и японцы активно применяли труд военнопленных в своей экономике, да и Советский Союз не совсем даром кормил немецких пленных.

С самого начала войны советские военнопленные рассматривались режимом Гитлера только как дешевый и практически неисчерпаемый источник рабочей силы. Пленные должны были послужить интересам рейха. За «просто так» поддерживать в них жизнь немцы не собирались. Если в 1942 году, согласно норвежским историкам Скарстену и Стокке*, иностранная рабочая сила в Германии, включая гражданских лиц, составляла 15 %, то в 1944 году эта цифра достигла уже 33 % в целом по стране, а в сельском хозяйстве и строительстве — 50 %. Иностранцы работали там практически во всех отраслях экономики, включая военную.

Политической основой для распоряжения судьбами советских военнопленных послужило решение Гитлера от 31 октября 1941 года о т.н. *Russeneinsatz* — использование русских в интересах военной экономики и вермахта Германии. Это решение поставило точку в короткой дискуссии в германских верхах о том, где и как применять военнопленных, взятых на Восточном фронте. Высказываемое ранее в верхах рейха мнение о том, что немецкие солдаты после блицкрига быстро вернуться домой и заполнят пустующие рабочие вакансии в экономике Германии, не получило подтверждения. Уже в первые месяцы войны с Советским Союзом было признано необходимым, что без дешевого труда советских военнопленных не обойтись и что он понадобится рейху достаточно длительное время.

Норвежская исследовательница Марианна Сулейм** пишет, что в отношении к советским военнопленным у немцев возобладали политические настроения, обусловленные нацистской идеологией о превосходстве арийской расы и планами Гитлера по уничтожению большевистско-еврейского населения СССР. И только во вторую очередь немцы принимали в расчет соображения экономического характера — возможность использования дешевого труда советских военнопленных в экономике страны и на объектах вермахта.

Советские военнопленные были распределены между вермахтом и двумя министерствами рейха. Военнопленными, которые трудились на объектах, не принадлежащих вермахту, распоряжались министр вооружений и амунции Фритц Тодт и министр труда Франц Зельдте. К концу войны все военнопленные, не принадлежавшие вермахту, перешли в распоряжение т.н. *Geschäftsgruppe Arbeitseinsatz* Германа Геринга.

Согласно вышеупомянутому решению о *Russeneinsatz*, генеральный уполномоченный по трудовым резервам Германии Фритц Заукель должен был определять, куда и в каком количестве следовало отправлять военнопленных, включая и Норвегию. Около 70 тысяч наших военнопленных работали в северных районах Норвегии (губернии Тренделаг и Тромс), остальные 30 тысяч были разбросаны по лагерям средней и южной части страны. Военнопленные были главным образом задействованы на строительстве военных укреплений, аэродромов, в совершенствовании транспортной инфраструктуры оккупированной Норвегии.

Гитлер хотел сделать из Норвегии неприступную крепость, продолжив на ее территории часть т.н. Атлантического вала. На северном и западном побережье Норвегии трудом военнопленных было построено большое количество бункеров, ДОТов, артиллерийских площадок, авто- и железнодорожных туннелей, дорог, аэродромов, укрытий для подводных лодок, сухих доков и т. п. М. Н. Сулейм признает, что ре-

* A. Skarpsten, M. Stokke Blod og Tårer — historien om sovjetiske krigsfanger og sivile tvangsarbeidere i Rogaland 1941—1945

** а) *Sovjetiske krigsfanger i Nord-Norge*, "Ottar", 4/2002, Troms Museum и б) *Slavene fra Øst. Sovjetiske krigsfanger i Norge 1941—1945*. Institutt for forsvarsstudier, 5/2005

зультаты труда советских военнопленных в 1941—1945 гг. в значительной степени способствовали развитию послевоенной инфраструктуры и модернизации Норвегии, а также усилению ее обороны.

К концу войны на территории Норвегии оставались всего 77899 советских военнопленных, из которых 36436 принадлежали Организации Тодт (ОТ), 35275 — вермахту и 6188 человек — Люфтваффе (ВВС). Солдаты и офицеры, взятые в плен в зоне ответственности ВВС (люфтваффе) или ВМС Германии, попадали в распоряжение этих видов вооруженных сил.

В каменистой норвежской земле, по некоторым данным, остались лежать более 22 тысяч наших ребят, т.е. смертность среди них достигала 22 %. Согласно же официальным норвежским данным, основанным на документах похоронных служб страны, в Норвегии было похоронено только 13.700 советских военнопленных. Однако мы далее увидим, что немцы по всей стране и особенно на севере Норвегии, в частности, в губернии Тромс, практиковали секретные массовые убийства и захоронения советских пленных. Кроме того, на всей территории страны имели место случаи смерти и убийства пленных охраной и лагерной администрацией, о которых никакие местные похоронные службы информации не получали.

Согласно Женевской конвенции 1929 года, ответственность за военнопленных возлагалась на ОКВ — Верховное командование вермахта (ВКВ). В Норвегии ВКВ было представлено Командующим вермахтом в Норвегии (КВН) генерал-полковником Николаусом фон Фалькенхорстом, а конкретно советскими военнопленными ведал из Осло начальник Управления по делам военнопленных генерал Редисс. Первое время, пока военнопленные находились на территории военных действий, ответственность за них несло Oberkommando des Heeres — Верховное командование сухопутных войск (ВКСВ), но как только пленные перемещались на территорию рейха, ответственность переходила к ВКВ.

В Норвегии немцы создали для советских военнопленных 4 главных лагеря — т.н. Stalag — Stammlager (основной, главный лагерь):

— шталаг № 303, открыт в сентябре 1941 г. в Лиллехаммере (ответственный за охрану лагеря 444-й Landeschützenbataillon);

— шталаг № 322, открыт в конце 1941 г. в Эльвенесе/Киркенесе;

— шталаг № 330, открыт в августе 1941 г. в м. Саген при Альте/Нарвик (ответственный за охрану 884-й Landeschützenbataillon); в 1944 г. после вступления Советской Армии в Норвегию переведен в Бейсфьорд под Нарвиком и

— шталаг № 380, открыт в декабре 1942 г. в Опдале (ответственный за охрану 309-й Landeschützenbataillon)*.

При попадании в шталаг военнопленные разбивались на роты или рабочие батальоны и рассылались по другим мелким лагерям, входившим в структуру шталага. Были и такие военнопленные, которые были организованы в роты еще до прибытия в Норвегию. Роты все вместе составляли дивизию.

Кроме вышеперечисленных организационных форм, немцы создавали из пленных также т.н. *строительные* и *рабочие батальоны*, в которых насчитывалось до 2500 и более человек. Жили эти пленные в лагерях, аналогичных шталагам. Они разбивались на *роты* и распределялись по рабочим и строительным площадкам. Такие батальоны входили в структуру известной «Организацию Тодта» (ОТ)**.

* При каждом шталаге существовали другие типы лагерей: Teillager, Zweiglager и Arbeitskommando. Teillager (часть лагеря) находился в непосредственной близости от шталага, Zweiglager фактически являлся филиалом шталага и находился от него на определенном удалении, в то время как Arbeitskommando — рабочие команды — создавались для выполнения определенных целей и задач и носили временный характер. Военнопленные рабочей команды жили по месту работы.

** ОТ взяла название от своего организатора, рейхсминистра Фритца Тодта и была призвана строить объекты для вермахта.

Рабочие батальоны ОТ — строительные, саперные и тыловой поддержки — были разбросаны по территории всей Норвегии и трудились на объектах, имеющих военное значение для вермахта — ремонт разрушенных мостов, железных и шоссейно-грунтовых дорог, в том числе на строительстве таких двух стратегических объектов, как Северная дорога и Атлантический вал. Эти батальоны, в зависимости от потребностей, тоже разбивались на роты и другие более мелкие группы и распределялись по конкретным рабочим местам.

По окончании войны существовали следующие рабочие батальоны (в скобках указаны место расположения и количество военнопленных в каждом лагере по состоянию на 8 мая 1945 года): № 180 (Стринда, 2895), № 182 (Фауске, 1089), № 183 (Стурволлен, 2522), № 184 (Теммернес, 2758), № 185 (Фауске, 2550), № 186 (Бейсфьорд, 2832), № 187 (Му и Рана, 2437), № 188 (Драммен, 3610), № 190 (Бренне, 3446), № 202 (Серэльва, 2302), № 203 (Мегарден, 2412), № 204 (Квесменес, 1862), № 205 (Энган, 2890) и № 206 (Тронхейм, данных нет).

В отчетах немцев проходят также 9 рабочих батальонов, подчинявшихся т.н. Особому штабу «О», располагавшемуся в Му и Рана. По данным союзников, штабу «О» подчинялись 12 батальонов. Особый штаб «О» отвечал за предоставление советских военнопленных в распоряжение ОТ. Эту работу возглавлял генерал Рихтер.

На 8 мая 1945 года штабу «О» подчинялись указанные выше рабочие батальоны №№ 182—185, 187, 190, 202—203, 205, а также батальоны №№ 1 (Стамсунд, 539), 28 (Рогнан, 750) и 41 (Кьемога, 1151). В мае 1942 года штаб «О» получил в свое распоряжение 2 собственных лагеря с военнопленными в Осло/Эттерстад и Тронхейме/Нидарволль, входившими в т.н. батальоны поддержки тыла (Nachschubbataillone), а также т.н. батальоны усиления (Forstärkningsbataillone) №№ 463 в Осло 464 в Нарвике.

Каждый рабочий батальон возглавлялся штабом, в который входили:

а) командир батальона (комендант лагеря), б) сотрудник разведки, в) офицер, ответственный за организацию труда батальона, г) переводчик, д) чиновники, отвечающие за внешние связи, е) руководители рот и ж) офицеры, ответственные за организацию труда каждой роты. Батальонные командиры, с учетом протяженности расстояний в Северной Норвегии и Северной Финляндии, де факто получили самые широкие полномочия и располагали большой властью над военнопленными. Приказ ВКВ от 9 июля 1942 года разрешал им при необходимости расстреливать военнопленных на месте. Количество погибших от рук батальонных командиров точно установить не удастся.

Над ОТ в Норвегии был учрежден еще один администрирующий орган — Einsatzgruppe Wiking, контора которого располагалась в Осло на Киркегатан 15. Руководил конторой старший строительный советник Вилли Хенне, который отвечал за деятельность ОТ в Норвегии и Финляндии. Военные приказы он получал от генерал-полковника Фалькенхорста и замыкался также на Главное управление по делам техники в Гамбурге, которое являлось филиалом министерства народного хозяйства Германии. «Хозяйство» Хенне состояло из нескольких отделов, главными из которых были отдел «Северная дорога» и отдел строительства военных укреплений. К нему же примыкали особые группы Transportflotte Speer и Transportgruppe Todt. Первая отвечала за морские поставки строительных материалов для Организации Тодт — в основном из Дании и Норвегии — и включала в себя около 10 000 человек. Вторая группа отвечала за колесный транспорт и состояла главным образом из Hilfswiligen, т.е. тех военнопленных и перебежчиков, кто добровольно вступил в ряды вермахта (им советские военнопленные дали презрительную кличку «власовцы»). Они образовали т.н. «Легион Шпеер».

Группа «Викинг» работала в 3 основных районах: а) полярный, включавший северную Финляндию и район Киркенеса-Альты, б) район Нарвика-Фауске и в) средняя Норвегия. В каждом из этих районов была своя организация и административные

органы, например, в Нарвике разместились четыре строительных управления, а в средней Норвегии — целых шесть!

В перечне лагерей по состоянию на 1 апреля 1945 года значатся 5 лагерей для советских военнопленных, принадлежащих ОТ: в Бергене на 1635 человек (подчинялся шталагу № 303), в Бугене на 359 человек, в Рамсунде на 183 человека, в Люнгсейдете на 270 человек и Дьюпвике на 150 человек (все четыре входили в шталаг № 330).

Советские военнопленные, включая оказавшихся на норвежской территории, подверглись классификации по национальному и другим признакам. Русские считались самыми трудными и ненадежными. За ними шли белорусы, украинцы и лица других национальностей. Для соблюдения дисциплины и в других организационных целях из числа военнопленных назначались, а иногда и избирались *старосты* лагеря. Из наиболее «надежных» администрация лагерей выбирала кандидатов на роль *лагерной полиции*, которую привлекали для охраны военнопленных. Как правило, в лагерную полицию набирали приволжских немцев, украинцев, белорусов, прибалтов. После того как лагерные полицейские «положительно» себя зарекомендовали, они получали статус *Heeresfolge* — *вспомогательные (охранные) подразделения вермахта*.

Во главе каждого лагеря был комендант — естественно, из немецких офицеров. Приказы и распоряжения комендант получал непосредственно от Командующего вермахтом в Норвегии. ОТ сотрудничала и конкурировала с КВН, но оба субъекта получали указания из центральных ведомств рейха: ОТ — от министерства труда, а КВН — от ВКВ или Главного командования сухопутных войск (ГКСВ). Лагерная система рейха в ходе войны много раз менялась, компетенции различных ведомств постоянно уточнялись, но суть ее оставалась той же самой — бесчеловечной.

Охрану военнопленных в шталагах осуществляли специальные военизированные батальоны, входившие в систему гражданской обороны вермахта. Им помогали *Hilfswillige* — добровольцы из числа перебежчиков, дезертиров и других «надежных» военнопленных, а также и тех, кто не мог выдержать голодного режима и палочной системы лагерей и шел в услужение лагерной администрации. Немецкие архивы свидетельствуют о том, что охранников для обслуживания лагерей в Норвегии постоянно не хватало.

С ростом числа военнопленных и развитием событий на фронтах расширялись задачи немецкой администрации в Норвегии, и ВКВ в 1942 г. создало в Норвегии специальный орган для надзора и распоряжения дешевой рабочей силой советских пленников, включая тех, что были закреплены за ВМС и люфтваффе — *Kriegsgefangenen Bezirkskommandant i Norwegen* — *Районный комендант по делам военнопленных в Норвегии*. Этот новый комендант тоже получал приказы от КВН и выполнял инструкции ВКВ. От него шли приказы батальонным комендантам, а те передавали их непосредственно комендантам лагерей. Во всем существовал четкий немецкий порядок — *Ordnung muss sein!*

Первым районным комендантом в Осло с 15.10.1942 г. по 6.10.1943 г. был полковник Hugo Kiehl, его сменил Kurt Wuthenow (6.10.1943—24.7.1944), потом пришел черед Leopold von Reibnitz (до 1.11.1944) и Kuno Klemm (1.11.1944—16.5.1945). Осенью же 1944 года вся лагерная система для военнопленных в Норвегии перешла в руки СС.

За отступлением 20-й горнострелковой армии вермахта из Финляндии в Норвегию (командующий генерал Йодль) последовал перевод всех военнопленных, находившихся в лагерях на территории зоны действия армии, на норвежскую территорию. В Норвегии оказались две немецкие армии. В связи с этим возникли проблемы разграничения функций между двумя районными комендантами по делам военнопленных. Норвежский районный комендант получил формальное право распоряжаться всеми военнопленными на своей территории, но на практике полного контро-

ля над вновь прибывшими установлено так и не было. Так что точными данными о количестве военнопленных, переведенных из Финляндии, районная комендатура в Норвегии не располагала.

Подверглась реорганизации и система надзора за советскими военнопленными, входившими в зону ответственности 20-й горнострелковой армии. Приказом ВКСХ от 11 января 1944 года районный комендант по вопросам военнопленных в Финляндии упразднился, число офицеров, обслуживающих шталаги №№ 309 в Салле и 322 в Киркенесе, увеличивался (максимум 10, минимум 6 человек), а ответственность 20-й горнострелковой армии за военнопленных в целом усиливалась. Районного коменданта с 1 марта заменил *Уполномоченный по делам военнопленных в Финляндии*, представитель ВКСВ полковник Бухвейзер. Практически он волился в Особый штаб «О» в Му и Рана и формально стал подчиняться районному коменданту по делам военнопленных в Норвегии полковнику Рейбнитцу. Одновременно он стал главным помощником генерала Рихтера. Главными задачами Бухвейзера были не снижать темпов загрузки военнопленных на объектах вермахта, предотвращать их побеги и максимально экономить на охране — вермахту до зарезу нужны были солдаты на фронтах.

М.Н. Сулейм пишет, что недостатки в координации деятельности районных комендатур привели к неясностям в статусе шталагов. В конечном итоге как инструмент для выполнения задач сухопутных войск с нечетко разграниченными сферами ответственности по отношению к Люфтваффе, ВМС и ОТ они закончили свое существование. Между всеми этими организациями шла постоянная борьба за влияние и ресурсы, и до конца войны упорядочить их деятельность центральным органам рейха так и не удалось.

Шталаги постепенно превратились в сборные пункты военнопленных, в места размещения нетрудоспособных или в административные органы для формирования рабочих команд. Шталаги №№ 303, 330 и 380 находились в подчинении районного коменданта в Осло, в то время как шталаг № 322 в Киркенесе/Эльвенесе подчинялся командованию упомянутой выше 20-й горнострелковой армии в Финляндии, причем военнопленные шталага № 322 после отступления немцев из Финляндии были размещены в шталаге № 330 в Альте/Нарвик.

Главными объектами применения труда военнопленных в германских ВВС были аэродромы: строительство новых, как, например, аэродрома Хердла на острове рядом с Бергеном, и поддержание и расширение имевшихся в Банаке, Альте, Бардуфоссе, Тромс-Рамсберге, Буде, Тронхейме, Аукре, Стур-Фосне, Суле, Къевике, Листе и Гардермуене. Военнопленные удлиняли и расширяли взлетно-посадочные полосы и углубляли их фундаменты, а также строили вспомогательные здания.

ВМС в Норвегии использовало советских военнопленных в основном на базах своих подводных лодок в Тронхейме и Бергене, на военно-морских базах в Нарвике и Хортене и в меньшей степени — в Осло, Арендале и Кристианстаде. Согласно британским источникам, в Тронхейме было задействовано 640 советских военнопленных, а всего на германские ВМС в Норвегии под эгидой ОТ работали 1041 человек, т.е. около 1 % от общего количества.

В описанной выше сложной иерархической системе подавления и принуждения отдельный советский военнопленный был крошечной песчинкой. Трудно сказать, следует ли верить утверждениям Марианны Сулейм и некоторых других западных исследователей о том, что ОТ по сравнению с вермахтом якобы занимала по отношению к советским военнопленным более мягкую линию. Норвежская исследовательница ссылается на то, что ОТ распространяла среди рядовых охранников листовки с призывами относиться к пленным как к людям (!) и соблюдать в отношении их справедливость и гуманность, иначе пленные могли стать врагами рейха. Но примеры гуманного и справедливого отношения в этих исследованиях что-то не приводятся.

Да и были ли они вообще? Сама Сулейм признается, что следовать призывам ОТ к гуманности, особенно в рядах вермахта или СС, отнюдь никто не собирался.

От всей этой пропагандистской деятельности ОТ и других «гуманистов» рейха веет цинизмом и лицемерием. Вся система администрирования и надзора за советскими военнопленными была в корне противоправной, бесчеловечной и преступной.

2. Прибытие в Норвегию.

«...23 сентября 1941 года на земле Сулы, Санде, появились шеренги изможденных и обтрепанных людей. Обессиленные от голода, побоев и тяжелой дороги, они прошаркали ногами по двору. По обе стороны строя шли вооруженные немецкие охранники... Кто-то нагнулся — те, у кого еще были силы — и сгреб ладонями пыль, в которой валялись несклеванные птицами зерна и колоски. Пыль тут же исчезла в пустых желудках марширующих. Военнопленные прибыли в свой первый дом в Норвегии — в сарай норвежского крестьянина Тургейра Юа, по кличке Тургейр из Осена. Многие из них не смогут покинуть это место живыми».

Так описывают появление первых советских военнопленных в Норвегии, в районе Ставангера, норвежские историки А. Скарстен и М. Стокке.

Первые военнопленные появились в Норвегии уже в августе 1941 года, т.е. за 3 месяца до принятия принципиального решения (Russeneinsatz) об их использовании. Их доставили четыре парохода из Штеттина, которые шли вдоль западного побережья Норвегии в Нарвик и по пути высаживали отдельные партии военнопленных в Ставангере, Эрланде и других портах по всему побережью страны. Согласно данным вермахта, в 1941 году в Норвегию были транспортированы 3253, в 1942 году — 24411 (по норвежским данным — 20156), в 1943 году — 28199 (по норвежским данным — 33227) советских военнопленных. Цифры за 1944 год приблизительны: около 18000 пленников поступили из Германии и примерно 15000 — из Финляндии.

Всего на территории Норвегии немцы организовали 445 лагерей, из которых 220 были размещены в Северной Норвегии, 52 — в губернии Тренделаг, 88 — в Вестландет, 21 — в Серландет и 64 — в Эстландет. На каждого военнопленного немцы заводили учетную карточку, в которой предусматривались следующие данные: ф.и.о., дата и место рождения, национальность, принадлежность к религии, профессия. Кроме того, немцы заносили туда номер воинской части, в которой служил военнопленный, звание и должность, место и время взятия в плен, а также рост, цвет волос, особые приметы, имя матери и ближайших родственников. На карточке проставлялся номер военнопленного, указывался шталаг, а иногда даже паспортная фотография пленного со своим номером в руках, предусматривалось место для отпечатка указательного пальца правой руки. На карточке расстрелянного или умершего пленного в верхнем правом углу ставился крест. Обратная сторона карточки использовалась для регистрации его поведения, сведений о переводе в другие лагеря и т. п., а также его подпись в удостоверение того, что он проинформирован о запрете иметь сексуальные отношения с немецкими женщинами.

Прием людей в Норвегии немцы продумали плохо — да они, по-видимому, особой заботы по этому поводу не проявляли. Первым советским военнопленным пришлось ютиться в самых неподходящих условиях, например в экспроприированных у норвежских крестьян сараях и бараках, как у вышеупомянутого Тургейра Юа. Готовых для них помещений не было — их еще нужно было построить. Строительство лагерей было поручено норвежской фирме «Ношк Бюгг». Для строительства первого лагеря в районе Ставангера конфисковали ферму у того же Тургейра Юа в Санде (Сула). Она стала основой шталага № 303. В этом лагере, пишут А. Скарстен и М. Стокке, разыгрались потом ужасные трагедии: зима 1941/42 года отличалась сильными морозами, и в эту первую зиму в Санде замерзли не менее 40 военнопленных.

В совместном советско-норвежском докладе за 1947 год об условиях жизни советских военнопленных в Норвегии сказано следующее:

«Некоторые лагеря представляли собой сараи, закуты для скотины или свинарники. Во многих лагерях Северной Норвегии советские военнопленные вообще не располагали каким-либо строительным материалом, и лагеря состояли из землянок или хижин, сложенных из камня. В этих помещениях не было ни окон, ни дверей, ни пола, ни какого-либо отопления».

Транспортировка военнопленных тоже проходила не всегда гладко. Многие из них погибали еще в пути — кто от болезней, кто от немецкой пули, а кто и от рук союзников. В субботу 17 октября 1942 года пароход «Palatia», имея на борту 999 советских военнопленных, 132 охранника и команду из 34 человек, в составе конвоя покинул Штеттин и взял курс на Берген. Конвой сделал короткую остановку в порту Кристиансанд, а в пятницу, в 05.30 21 октября, вышел из Кристиансанда к месту назначения в порт Олесунд, имея в своем составе, кроме «Палатиа», пароход «Остланд» с 1000 советскими военнопленными на борту, танкер «Остермур» и охрану из 3 сторожевых корабля: UJ1704, UJ5304 и UJ5307.

Сразу после выхода из Кристиансанда начались проблемы. Сначала сел на мель пароход «Остланд», потом вышел из строя двигатель у танкера, и его отбуксировали обратно в Кристиансанд, потом поломался двигатель у сторожевика UJ5307, и его тоже отбуксировали обратно в порт. Взяв на борт норвежского лодмана Юханнеса Сандвика, «Палатиа» в сопровождении только одного сторожевика UJ1704 в 11.30 того же дня снова вышла в море. Ответственные за конвой запросили о возможности подстраховать конвой силами «люфтваффе», и для этих целей был выделен один «Юнкерс-88», но он так и не взлетел из-за нелетной погоды. В 15.03 телеграфист парохода принял сигнал «воздушная тревога»: в небе появились 4 штурмовика из Coastal Command/489, Королевская эскадрилья, Новая Зеландия. В 15.05 «Хэмпден ХА-В» с пилотом Ричардсоном на борту пробивает толщу облаков и делает заход в атаку на пароход. Команда «Палатиа» и немецкие моряки со сторожевика увидели штурмовик на высоте 500—600 м и открыли по нему огонь. Ричардсон резко бросил самолет вниз, на высоте 60 м выпустил по пароходу торпеду и взмыл вверх, избегая зенитного огня с конвоя. Вместе с тремя другими штурмовиками самолет ушел на свою базу Wick в Шотландии.

Торпеда попала в борт парохода, сразу за машинным отделением. В 15.15 к его борту подошел сторожевик. Из-за сильной волны оба судна начали стучать бортами друг о друга, однако 20 военнопленных и 10 членов команды парохода сумели уловить момент и спрыгнуть на палубу сторожевика, но большинство пленных так и не смогли выбраться из трюмов. Когда сторожевик был вынужден отвалить от парохода, на борту «Палатиа» возникла форменная паника. Пароход с военнопленными медленно дрейфовал к маяку, а через 25 минут, задрав нос, стал быстро уходить под воду. Команда сторожевика UJ1704 спасала в первую очередь немцев. Если за ноги немцев цеплялись и военнопленные, их расстреливали из пистолетов. На борт забирала только тех пленных, которым вместе с немцами удалось ухватиться за резиновые плоты или не потонувшие обломки парохода. В рапорте капитана сторожевика была такая фраза: «В пяти случаях русские мешали спасению немецких солдат, либо ухватившись за их ноги, либо за канаты, так что немцев невозможно было поднять на борт. Поскольку иных способов заставить русских отцепиться не было, пришлось применить ручное оружие».

Спасли немного: 64 немецких солдат и офицеров, 28 членов команды парохода и 99 военнопленных. В указанном рапорте капитана сторожевика также говорится, что если бы команда парохода вела себя правильно, то число спасенных немцев было бы больше. Военнопленные в счет не шли.

Трупы скоро стало прибывать к берегу. Их обнаруживали местные жители и со-

общали о них немецким оккупационным властям, но те заявляли, что не имеют к ним никакого отношения. В некоторых случаях немцы обнаруживали свой интерес к утонувшим и запрещали хоронить их на кладбищах: этих «безбожников» следовало закапывать в землю в любом месте и без совершения каких бы то ни было обрядов.

В одном случае недовольный указанием немцев пастор Брекке из прихода Хо, Ставангер, подал жалобу высшим церковным властям. Ответ пришел от главного нацистского чиновника Норвегии Йозефа Тербовена: он смилостивился и разрешил похоронить советского военнопленного по христианскому обычаю. Трупы утонувших советских военнопленных с парохода «Палатиа» похоронены также на кладбищах Осло, Оны, Сиры, Сокндаля и Нэрбе*.

В ноябре 1944 года, при транспортировке 2248 советских военнопленных из Бьерквика на юг Норвегии на пароходе «Ригель», произошла еще более страшная катастрофа. Пароход, как и в случае с «Palatia», подвергся атаке британских бомбардировщиков. В живых из советских людей осталось всего 155 человек. Список пароходов с советскими военнопленными на борту, погибших от бомбежек союзников, можно было бы пополнить. Такова была горькая их участь в этой войне.

* О трагедии первыми в 1994 году вспомнили норвежцы. Место гибели парохода было локализовано, и ему был придан официальный статус морской братской могилы. В 1997 г. в Линденесе был открыт памятник погибшим русским военнопленным. На торжестве присутствовал король Норвегии. Скульптор А. В. Гюннерюд на колонне, сложенной из камней, изобразил т.н. «русскую птицу», точную копию тех птичек, которых советские военнопленные мастерили или рисовали своими руками в лагерях и обменивали их на еду у норвежцев.